

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ВАРЯ МЕДНАЯ

СУЖЕНЫЙ

Принцесса в академии

Annotation

Жители Затерянного королевства и не подозревают, что прямо под их носом готовится дерзкий переворот. И только принцесса Ливи и ее друзья знают всю правду. Но что, если новоиспеченный монарх не верит ни единому слову, а сам ты сидишь в темнице и вынужден пойти на сделку с врагом? А от того, успеет ли Ливи спасти королевство и вернуться в замок дракона к Ритуалу, зависит жизнь двух дорогих существ — отца и возлюбленного. Или теперь дорогих существ уже трое?

Варя Медная

Принцесса в академии. Суженый

© В. Медная, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Ренату Данисовичу, помогшему мне обрести вторую, творческую, жизнь.

Безмерная благодарность Елене Литвиненко, Ольге Жаковой и Алине Лис за мудрые советы и неизменную поддержку.

И спасибо читателям, пустившимся со мной в эту сказочную авантюру. Я счастлива, что вы есть!

В КОТОРОМ НЕКИЙ ПОЖИЛОЙ ПРИНЦ ВЕДЕТ СЕБЯ СОВЕРШЕННО НЕПОДОБАЮЩИМ ОБРАЗОМ

— Простите, что отвлекаю, но вы не подскажете, где мне найти «Пособие по воспитанию отпрысков королевской крови, собственноручно записанное матерью одного из таких отпрысков»? Помнится, этот трактат еще в мои времена пожертвовала библиотеке Принсфорда Ее Величество королева Мессалина.

Господин Буковец вздохнул, коротко взглянул на рогатого гостя и снова уткнулся в справочник.

— Третий ряд, пятнадцатый стеллаж, четвертая полка сверху. Между «Церемониями и обрядами погребения особ королевской крови» и «Поваренной книгой Безумной Вероники».

Кто-нибудь непосвященный мог бы углядеть в этом ответе свидетельство непрофессионализма господина Буковца, его небрежного отношения к расстановке книг. Но непосвященных в Потерии, да и во всем Затерянном королевстве не было. Все знали, что он лучший из лучших. Вообще-то господин Буковец втайне гордился своей системой организации библиотечного фонда, им же придуманной. Книги располагались не только по жанрам и алфавиту, они идеально сочетались по цвету, размеру, корешкам и даже шуршанию страниц, не говоря уже о в высшей степени продуманном переплетении тем. Так, например, посетитель, читая книгу и задумываясь над каким-нибудь поднятым в ней вопросом или неясным моментом, к своей величайшей радости и удивлению, обнаруживал по соседству томик, содержащий полный и исчерпывающий ответ на едва успевший оформиться вопрос.

На правильную расстановку ушли десятилетия исследований, о которых не знал никто, кроме самого господина Буковца. Большинство считало это удачным совпадением, а то и приписывало собственной смекалке и ловкости. Последнее библиотекарю было безразлично: он делал это ради самих книг (чем быстрее студенты найдут нужный материал, тем меньше страниц пострадает от непочтительных прикосновений), а еще чтобы не пришлось ежесекундно отвлекаться от работы и отвечать на глупые вопросы принцев.

— Премного благодарен, — ответил сир Высокий и, подобрав белоснежную хламиду, направился к указанному стеллажу, стараясь по возможности не задеть ничего рогами. К огромной досаде (господина Буковца), они то и дело норовили навести беспорядок в его упорядоченном книжном королевстве. Из-за этого неудобства принц всегда протискивался между стендами бочком.

Господин Буковец проводил гостя зорким взглядом и вернулся к работе лишь тогда, когда рука старика с третьей попытки выцепила нужный фолиант. Библиотекарь покачал головой: право слово, все эти принцы одинаковы...

Вообще-то сир Высокий ему даже нравился, хотя в первую встречу он бы так не сказал. Тогда он был возмущен тем, что посетитель прошел к стеллажам без разрешения, пока сам господин Буковец отлучился в заднюю комнату — заварить себе цикория с мятой (этот напиток всегда бодрил после ночных бдений). Принц явился за материалами по современным методикам преподавания в высших магических учебных заведениях. Слово за слово, и гнев библиотекаря утих. Сир Высокий оказался интереснейшим собеседником, и остаток дня прошел за увлекательным разговором. Под конец он разрешил принцу являться за справочными материалами в любое время.

На следующий день тот принес снадобье, облегчавшее приступы книжной лихорадки, от которой господин Буковец мучился с юных лет. Благодаря ему кашель чернилами и впрямь настигал реже, да и переносился легче.

Правда, читательский билет он принцу все же оформил, и в тот единственный раз, когда сир Высокий его забыл, отказался пустить его в библиотеку — не из вредности, а так, для порядка. Сделаешь исключение для одного, и вот уже целая вереница нарушителей ждет у порога.

К тому же, надо отдать принцу должное, с книгами он обращался намного бережнее среднестатистического обывателя. Короче говоря, господин Буковец относился к нему лучше, чем к подавляющему большинству тех, кто не состоял из букв и страниц, и в конечном счете привык к частым визитам ученого мужа в библиотеку. Даже по-своему уютно, когда рядом шуршит какое-то живое существо...

Размышления библиотекаря были прерваны истошным воплем:

— Седина мне в рога! Это то, что нужно!

Ошеломленный господин Буковец хотел возмутиться таким нарушением порядка в библиотеке, а в следующий миг чуть не лишился чувств, потому что сир Высокий выбежал из-за стеллажей, попутно снеся рогами три секции и потрясая фолиантом тысячелетней давности, как какой-нибудь студент — конспектом.

— Вы это видели?!

Библиотекарь закашлялся, забрызгав чернилами лежащий на столе справочник.

Полчаса спустя, когда порядок был восстановлен (порядок в библиотеке — потому что от душевной травмы господин Буковец оправлялся еще недели три), выяснилась и причина возбуждения принца. И она ни в малейшей степени не оправдывала его неподобающего поведения.

— Да, я давно про это знал, — обронил библиотекарь, бережно отирая справочник. Рубашкой займется позже.

— Что? Но ведь об этом знаем только... — Тут принц осекся и, подумав, сообщил: — Вообще-то это государственная тайна.

— Я в курсе. — Господин Буковец послунывил платок и потер чернильное пятно на пальце.

— То есть как? — изумился сир Высокий. — Получается, вам известен один из величайших секретов этого королевства?

— Ну да. И он, откровенно говоря, не самый интересный из известных мне секретов.

Сир Высокий не мог поверить своим ушам.

— И вам ни разу не приходило в голову им воспользоваться ради собственной выгоды?

— Нет, не приходило.

Приходило, и еще как: в день, когда господин Буковец на него наткнулся, воображение нарисовало новое просторное помещение для библиотеки, крепкие стеллажи, а сколько можно было бы заказать переплетов...

Но в итоге он справедливо рассудил, что подобные секреты укорачивают их носителей на одну голову. Поскольку со своей библиотекой расставаться не собирался, то и тайна не пригодилась. Просто встала в ряд с остальными.

— Мне интереснее, почему этим знанием не воспользовались *вы*?

— Знания должны служить во благо, а не разрушать, — просто ответил сир Высокий. — Однако меня беспокоит, что любой учащийся может запросто обнаружить эти данные.

— Не может, я установил специальную защиту от студентов. — Господин Буковец насторожился. — Вы слышите этот шум? Кажется, он доносится со стороны ректорского кабинета...

ПРО ВСТРЕЧУ СО СТАРЫМ ЗНАКОМЫМ И ТАИНСТВЕННУЮ ВОЗДУХАТЕЛЬНИЦУ ХОРРИБЛА

Эол Свирепый целеустремленно тащил меня к выходу из Академии. Я старалась не выронить хрустальную жабу, с огромным трудом добытую в зале под кабинетом ректора. В холле уже установили новый колпак, и под ним по обыкновению дежурил Август. Я кивнула привратнику издали, он хотел ответить поклоном, но внезапно замер и, близоруко прищурившись, потянулся за лорнетом. Рассмотреть украденную реликвию хорошенько он не успел, потому что мы уже достигли дверей. Там покровитель факультета доблестных защитников поймал пробежавшего мимо студента, отобрал у него рюкзак и вытряхнул содержимое под возмущенные вопли владельца, после чего сунул внутрь жабу и выволок меня наружу, где ярко светило солнце.

Хоть я и не одобряла его методов, великан поступил предусмотрительно, иначе сияние нашей добычи углядели бы даже в соседнем королевстве. Рюкзак он понес сам, и я вздохнула с облегчением, избавленная от ноши.

— Уже можете отпустить мою руку, дальше я могу идти сама.

Принц ничего не ответил, но послушался. Мадоний Лунный завел песню о песочной деве, но великан грубо его оборвал. Покровитель факультета ранимых романтиков никак не отреагировал и продолжил перебирать струны, правда беззвучно.

Я шла, пытаюсь собраться с мыслями и понять, что произошло там, внизу, а главное, почему.

Эол Свирепый словно прочел мои мысли:

— Что ты натворила?

— Вы мне поверите, если я скажу «ничего»? Оно само натворилось.

Гигант фыркнул и продолжил путь размашистым шагом, мне приходилось почти бежать. Плиты под его ногами проседали и жалобно трескались. На другой стороне улицы собралась небольшая толпа жителей королевства. Они выстроились как на параде, двое или трое закинули ребятишек на шею и снабдили леденцами на палочке, однако ближе подойти ни один не осмеливался. Все благоразумно предпочли наблюдать с почтительного расстояния. Эол Свирепый не обращал на любопытствующих ни малейшего внимания: они для него не существовали до тех пор, пока не вставали на пути.

Внезапно на дороге перед нами выбежала невысокая фигурка с огромным венком орхидей, сплетенных в виде бус, и звонко воскликнула:

— Принцесса Ливи, мы узнали о твоём возвращении в Затерянное королевство и спешим поздравить. С приездом!

Я узнала этот голос ещё прежде, чем из-за цветов показалось лицо.

— Кен! Вернее... Кракен.

Он, как ни в чём не бывало, протянул мне бусы.

— Вот, надень, это тебе.

И тут же попытался накинуть мне их на шею, но я инстинктивно отшатнулась. В прошлую нашу встречу я назвала мальчика предателем и имела на то веские основания: он оказался племянником заклятого врага мадам Гортензии, о чём забыл упомянуть, хотя возможностей было предостаточно. К тому же, Жмутс присвоил идею мечтирисов на

следующий день после визита Кена в лавку. Слишком много недосказанностей и совпадений. Пусть не удивляется, что теперь я отношусь к нему с подозрением.

— Что здесь происходит? — рыкнул Эол Свирепый, тоже останавливаясь. — Ты еще кто такой?

Толпа затаила дыхание, шеи удлинились.

— Кракен Жмутс, — представился тот и смело взглянул на гиганта, ничуть не смутившись его грозного вида.

— Что тебе нужно, Кен? — холодно спросила я.

Мальчик сделал вид, что не заметил сурового тона.

— Всего лишь преподнести тебе эти цветы. — Он сделал новую попытку заарканить меня орхидеями, но я опять уклонилась. Тогда на его лице появилось беспокойство. — Пожалуйста, — с мольбой сказал он и вложил во взгляд все красноречие. Если это было безмолвное послание, то я его не поняла. Извиняется? Слишком поздно, да и мне сейчас не до извинений.

— Я спешу, Кен, — сказала я и двинулась дальше.

Он побежал рядом.

— Дядя настаивал, чтобы я передал тебе их лично в руки.

Я удивленно остановилась. Чтобы Жмутс просил лично вручить мне цветы? Да он вряд ли даже имя мое запомнил! Что-то тут нечисто.

— Это очень важно, — проникновенно сказал даритель.

Эол Свирепый бесцеремонно отодвинул его.

— А ну, не мешайся под ногами!

Легкий жест, но Кен попятился и чуть не упал, однако сумел удержаться на ногах и бросил на меня еще один умоляющий взгляд. После секундного колебания я повернулась к своему провожатому.

— Разве вы не знаете? Господин Жмутс — без пяти минут официальный поставщик цветов Его Величества, — я сделала многозначительную паузу, — с одобрения мадам Лилит. А это его племянник. Оскорбить Кракена — значит, оскорбить господина Жмутса, а через него — первого советника.

Расчет оказался верным. Гигант моргнул, переваривая информацию. Переварил и нехотя сложил руки на груди.

— Только быстро.

— Одна секунда, — заверил Кен.

Я наклонила голову, и он ловко накинул мне на шею бусы, быстро шепнув на ухо:

— Никому их не отдавай.

Не успела я разогнуться, а мальчик уже махнул рукой и смешался с толпой. Эол Свирепый позвал Мадония Лунного, который незаметно переместился ближе к тротуару и в настоящий момент услаждал слух жительниц Потерии лирической композицией, и мы продолжили путь.

* * *

Якул склонился над схемой замка, хмуро вглядываясь в побуревшие от времени чернила. Карта эта была составлена так давно, что истерлась до дыр в местах сгибов, а во многих

других выцвела или покрылась пятнами, скрывая полную картину дома от хозяина. Надо будет провести опись всех помещений и заказать новую. Займется этим сразу, как только разделается с... другими делами.

В дверь постучали.

— Да, Хоррибл, входи, — крикнул он, не поднимая головы и ведя когтем по коридору третьего этажа в северном крыле. Коготь наткнулся на очередную пустоту, на этот раз обязанную своим существованием крысам.

Слуга протиснулся несмело, бочком, и Якул по одному его виду все понял.

— Вернула?

— Да, хозяин.

Он чертыхнулся, но не удивился. Зато лицо Хоррибла сделалось таким виноватым, словно именно из-за него Грациана упорно отправляла обратно букеты. Если сложить все их вместе, хватило бы на цветочную лавку.

— А письмо?

— Тоже, — вздохнул слуга и протянул нераспечатанный конверт. Якул покрутил его и бросил на край стола.

— И ничего не велела передать на словах?

Хоррибл покачал головой.

— Отменить вечерний заказ?

— Нет. Пусть отправят вдвое больше.

«Бесполезно», — читалось в лице слуги, но вслух он ничего такого не произнес.

— Попробую. Сказали, что у них уже закончились лилии и герберы, но их можно заменить близкими цветами, например... — Нетерпеливый взгляд хозяина подсказал, что названия ни о чем ему не говорят и вообще нервируют. — Велю выслать на их усмотрение, — быстро dokonчил Хоррибл и втащил в кабинет тележку, доверху набитую книгами. — Эти только что пришли.

— Здесь все из списка, что мы наметили?

— Не совсем: не хватает «Перста судьбы» и «Антологии знаков и знамений» в двадцати томах, но я уже сделал запрос в несколько библиотек и букинистических лавок. Обещали ответить в ближайшее время.

— Библиотеки, лавки, магазины, частные коллекции, склепы — мне все равно, где ты их достанешь и во сколько это обойдется. Главное, чтобы книги были у меня и как можно скорее.

— Слушаюсь, хозяин. Как только что-то появится, сразу дам вам знать. А сам тогда еще раз проверю в замковой библиотеке, вдруг мы что-нибудь упустили?

Якул не стал спорить, хотя прекрасно знал: там ничего нет, он лично перепроверил содержимое стеллажей не меньше трех раз. Просто уму непостижимо — такая коллекция, и совершенно бесполезная! Ни одной ниточки, ведущей к Знаку.

Он машинально потер подбородок, хотя сыпи на нем не было. Тот поцелуй подействовал, хоть на этом принцессе спасибо.

— Иди, — сказал он, — а когда закончишь, возвращайся, поможешь мне с этими экземплярами.

— Да, хозяин.

Хоррибл поклонился и уже отвернулся, но замешкался.

Якул взял циркуль и приступил к измерениям.

— Что такое?

— Есть одна дама...

Циркуль прорвал карту, и Якул изумленно выпрямился.

— Не знал, что у тебя есть дама сердца.

— Нет, ее нет, точнее, технически есть, но не такого рода дама, о какой вы могли бы подумать. Вернее, она, конечно, дама, но я не имел в виду, что вы о ней думаете, и...

— Я понял. И рад за тебя, Хоррибл, не нужно ничего объяснять. Если тебе требовалось мое благословение и пара свободных вечеров в неделю, стоило просто попросить.

Слуга вконец побагровел.

— Вы не поняли, мы с ней ни разу не виделись, просто ведем переписку весь последний год. Она исключительно эрудированная и чуткая женщина, поэтому заинтересовалась повестью «Невольница любви, или Бремя тяжкого выбора» в «Транскоролевском сплетнике». На этой почве и свели знакомство.

— Повестью? А ты-то здесь при чем?

Оказывается, в предыдущий раз слуга побагровел все же не в полную силу. Вот теперь не осталось никаких сомнений.

— Потому что я ее автор, — едва слышно прошептал он. — Госпожа К. узнала...

— Госпожа «К»?

— Да, так она подписывается. Разумеется, я не стал настаивать на том, чтобы она раскрыла настоящее имя, это было бы недопустимой вольностью с моей стороны, давлением и попыткой вторгнуться в границы личного пространства, на что я не имею никакого права. — Видя, что хозяин снова теряет терпение, Хоррибл заторопился: — В общем, под впечатлением от повести она узнала мой адрес у редактора газеты и сама первой написала. Сказала, что в восторге от истории и до сих пор не верит, что автор — мужчина, потому что считала нас неспособными так тонко передать душевные терзания героини, насильно выданной замуж за баснословно богатого красавца, но отрицающей свои чувства к нему, ввиду того, что не в силах смириться со своей золотой клеткой.

— Постой, то есть героиня не любит мужа?

— Нет, любит, но там есть много нюансов...

— Тогда ей не нравится жить в роскоши?

— Нет, роскошь она тоже любит.

— Супруг ограничивает ее в чем-то? Заставляет работать? Запрещает видеться с друзьями? Тиранит? И сам он стар и уродлив?

— Нет, говорю же: молод, красив и богат, как король лепреконов. Никакого принуждения, ничего такого. Но не в этом суть: важно само *ощущение*.

Якулу сюжет интуитивно не понравился, хотя он так и не понял, чем именно. Наверное, слишком запутанный.

— Ладно, мы отвлеклись, что с этой твоей госпожой «К»?

Хоррибл явно хотел оспорить «твоей», но передумал и, помявшись, сказал:

— Так уж случилось, что эта дама частенько бывает в Потерии...

Лицо Якула тотчас сделалось бесстрастным. Он склонился над картой.

— Нет.

— Но я мог бы просто осторожно поинтересоваться, не возвращалась ли в город принцесса, и, возможно...

— Ты меня слышал: нет. Принцесса сказала, что вернется. Посмотрим, какова цена ее

слову. Неужели ты думаешь, что я опять стану гоняться за ней по всем известным королевствам? Мало я выставил себя на посмешище? Я скорее откажусь от вступления в Клуб.

Слуга вздохнул.

— Слушаюсь, хозяин.

— На этом все? Больше никаких шокирующих признаний и дам с именем из одной буквы?

— Нет.

— Тогда ты свободен.

Когда дверь за слугой почти закрылась, Якул снова его окликнул:

— Хоррибл...

— Да?

— Чем заканчивается эта твоя история?

— Я еще не решил, — застенчиво ответил тот. — Ее публикуют частями, и до сдачи последнего эпизода почти месяц. Будет время подумать.

Напоследок слуга клятвенно заверил его, что пишет только в свободное от работы время, ночами, а свечи покупает из своего жалованья, и взял с Якула обещание ничего не рассказывать Атросу и Рэймусу про это небольшое хобби.

— Не дури, Хоррибл, у нас полно свечей. Зачем покупать?

После определенных препирательств слуга пошел на уступку, согласившись считать свечи вкладом хозяина в творческих личностей.

Когда он вышел, Якул отложил циркуль и устало откинулся в кресле.

Сумасшедший замок.

И он сам сумасшедший, раз не может выкинуть из головы тот поцелуй.

УРОКИ КОВАРСТВА ОТ ПРОФЕССИОНАЛКИ

Мадам Лилит вскочила при виде нас. Цепкий взгляд обежал меня с ног до головы, и из горла первого советника вырвался вопль разочарования.

— Ты не принесла!

Эол Свирепый невозмутимо шагнул вперед и, встав на одно колено, протянул ей рюкзак. Она брезгливо отодвинулась:

— Что это?

— Я выполнила свою часть сделки, — пояснила я, — принесла то, что вы просили. Теперь выполните свою.

Мадам Лилит схватила рюкзак.

— Осторожнее!!

Лишь благодаря отменной реакции первого советника хрустальная жаба не разлетелась вдребезги о пол. Лицо мадам Лилит покраснело от натуги — груз и для нее оказался слишком тяжелым. Глюттон Медоречивый предложил помощь, но она довольно резко отказалась, осторожно вынула содержимое и отшвырнула рюкзак.

Я затаила дыхание: вдруг она прямо сейчас обнаружит, что документ испорчен в самых важных местах, и аннулирует сделку?

Какое-то время первый советник зачарованно рассматривала свиток, нежно поглаживая его, потом спохватилась.

— Разве я сказала: принеси документ и ни в коем случае не забудь про жабу?

Я хмыкнула.

— Попробуйте отделить их друг от друга.

Она попробовала. У нее тоже ничего не вышло.

— Как это понимать? — недовольно спросила она. — Что ты сделала?

Как же мне надоел этот вопрос! Я скривилась:

— То, что вы просили. Свиток у вас, а жабу считайте чем-то вроде подставки, дополнительный бонус, в общем.

Мадам Лилит наклонила голову к плечу и внезапно улыбнулась.

— Значит, Черате придется заводить новый архив.

— Вы знали, что произойдет! — охнула я. — И ничего не сказали!

— Значит, я права, и подземного зала больше нет?

Я кивнула:

— Погребен под тоннами цветного песка. Что это было?

— Защитный механизм. Жабу не велено было передвигать, и ее не передвигали с той самой минуты, как установили в хранилище. Любой ректор об этом знал от предыдущего... если, конечно, тот считал нужным его уведомить. — По этой ремарке я поняла, что первый советник не сочла нужным уведомить мадам Черату. — Как я должна была догадаться, что ты возьмешь с собой и ее? К тому же, я не знала в точности, что произойдет, только догадывалась, что ничего хорошего. Оставим эти споры, сейчас меня интересует, как достать этот чертов свиток!

Она потрясла жабу.

— Надеется, что ее затошнит, и она расцепит челюсти? — поинтересовалась я.

Лицо мадам Лилит потемнело, но тут вмешался ее дядя и вкрадчиво произнес:

— Уверен, мы найдем способ изъять документ без ущерба для содержимого.

Первый советник медленно кивнула и аккуратно поставила жабу на стол.

— Ах да, держите. — Я бесцеремонно сдернула с шеи Руфоцефалуса за хвост и протянула ей. Змей зашипел, но тут же успокоился в бережных руках хозяйки. Та вернула его на законное место и погладила. Надеюсь, мне больше никогда не придется испытать на себе его скользкое прикосновение. — Можете спросить у него, я сделала все, как вы сказали. Скрывать нечего.

— Да, здесь все как нужно, — подтвердил Глюттон Медоречивый, и я, бросив взгляд на свиток, с изумлением обнаружила, что стертые слова снова на месте.

Неужели он волшебный, и исправить ничего невозможно, потому что все появляется вновь? Похоже на то... Как досадно!

— Отлично, Ливи, ты справилась, — тепло похвалила мадам Лилит и махнула Эолу Свирепому: — В темницу ее, до завтрашнего утра. — Потом отвернулась к столу и побарабанила кончиками пальцев по подбородку, рассматривая жабу.

— Постойте! — возмутилась я, скинув руку великана. — Я выполнила свою часть уговора, теперь ваша очередь выполнить свою. Освободите Озриэля!

— Непременно сделаю это, но не раньше, чем получу от брата ифрита всю партию гляделок. Без них свиток бесполезен.

— Мы так не договаривались. Вы обманщица!

— Мы *не* договаривались, что я освобожу его немедленно, — произнесла она с тихой угрозой. — Это научит тебя в будущем тщательнее обговаривать условия сделки. А если еще раз назовешь меня обманщицей, договоренность будет аннулирована. Не испытывай мое терпение, принцесса.

Сердце у меня упало. Глупая-глупая Ливи! А на что ты рассчитывала? Что мадам Лилит сдержит слово и собственноручно распахнет дверь камеры? Да, именно на это и рассчитывала, но в глубине души жил даже не червячок, а настоящий питон сомнения. Я ухватилась за гнилую соломинку, и не мне сетовать на то, что она оборвалась.

— Признайтесь, вы использовали меня и с самого начала не собирались выполнять обещанного.

— Признаюсь: я использовала тебя, о чем все стороны прекрасно знали. Что до остального... — Она обошла стол, выдвинула верхний ящик и протянула мне послание на гербовой бумаге. — Вот, ответ от господина Мартинчика, которому я, пока тебя не было, отправила заявку на магические щипцы. Как видишь, я ничем не заслужила твоих упреков.

Сердце екнуло. Магические щипцы, которые помогут вытащить из нас с Озриэлем щепки, отколовшиеся от Стрелы Дружбы, наследие арбалета Ореста. Я в волнении пробежала глазами строки. Они подтвердили слова первого советника. Руководитель конторы доставки сообщил, что заказ принят. Такие щипцы больше не изготавливают, но он знает того, у кого хранится последний экземпляр, и немедленно пошлет соответствующий запрос. В конце он заверял мадам Лилит в своем почтении и в том, что приложит максимум усилий, дабы их достать. Все печати и подписи оказались на месте, на подделку непохоже, возразить мне было нечего. Я вернула документ, и первый советник небрежно бросила его обратно в ящик.

— Не хочешь поблагодарить меня?

— Непременно сделаю это. Как только щипцы будут у меня, а Озриэль получит свободу.

Она ухмыльнулась и сделала знак рукой.

— Увести. — Но в дверях сама нас остановила. — Пстой-ка, принцесса, что это на тебе?

Я потрогала орхидеи и пожалала плечами.

— Просто цветы, подарок от жителей города. Вы удивитесь, узнав, сколько их рады моему возвращению.

Она с подозрением посмотрела на бусы. Глуттон Медоречивый шепнул что-то на ухо, и первый советник кивнула. Принц приблизился и мягко осведомился:

— Позвольте?

И, не дожидаясь разрешения, склонился, рассматривая цветы. Практически носом уткнулся. Пальцы пробежали по ярким венчикам, отогнули пару лепестков, потерли, но ничего подозрительного не обнаружили. Я потянулась к бусам:

— Могу снять, если хотите.

Именно равнодушный тон вкупе с готовностью с ними расстаться развеял подозрения.

Принц пожал плечами.

— Никаких следов магии, обычные цветы, — сообщил он и неторопливо вернулся на место, постукивая тростью.

— Оставь себе, — разрешила мадам Лилит и насмешливо добавила: — На лучшее украшение в ближайшее время рассчитывать не придется.

Я не удостоила это ответом и первой вышла за дверь.

* * *

Друзья о чем-то совещались, но при нашем появлении, разговоры тут же стихли.

— Ливи!

— Прошла целая вечность!

— Мы за тебя беспокоились.

— Со мной все в порядке, — заверила я и, воспользовавшись моментом, протянула Озриэлю руку. Он взволнованно схватил ее и успел погладить, прежде чем нас разлучили.

Когда тюремщик ушел, вопросы посыпались со всех сторон:

— Получилось?

— Тебе удалось?

— Было трудно?

— Что мадам Лилит?

Я кратко поведала им новости.

— Пстой, — нахмурился Озриэль, — если ты выполнила условие, то почему снова здесь? — Он яростно схватился за прутья: — Только не говори, что мадам Лилит обманула и решила оставить тебя в темнице!

— Нет, Озриэль, — я мягко покачала головой, — я здесь, потому что сделка не завершена и потому что уговор был другим. Она не давала слова меня освободить.

— О чем ты? — удивился он.

— Взамен я попросила не свою свободу, а твою.

Когда до ифрита дошло, он ударил кулаком по прутьям:

— Ты не должна была этого делать! Не имела права!

— Разве? Неужели ты поверил, что я сбегу и оставлю тебя заживо здесь сгорать? Посмотри мне в глаза и скажи, что на моем месте ты поступил бы иначе.

Он нехотя поднял глаза, и их выражение смягчилось.

— Извини, не хотел, чтобы это прозвучало как обвинение. Просто не прощу себе, если с тобой что-то случится.

— Со мной все будет в порядке, как и со всеми нами. Сперва вытащим тебя, а потом разберемся с остальным.

Я почувствовала, что назревает серьезный разговор, да и просто устала лгать друзьям и изворачиваться, поэтому рассказала обо всем, кроме истинного содержания свитка. Уинни в темнице не было, она все еще не вернулась после встречи с королем.

— А что в свитке? — полюбопытствовала мадам Гортензия.

— Компромат на Марсия... Вернее, информация, которую мадам Лилит надеется использовать против него для государственного переворота. Именно поэтому ей и нужны гляделки: документ составлен на первом языке королевства, и с помощью них остальные жители тоже смогут его прочесть. Она обещала освободить Озриэля, как только Орест принесет гляделки, а следующая встреча завтра утром.

— И ты веришь, что эта двурушница сдержит слово? — с сомнением протянула мадам.

— Не особо. Поэтому предлагаю продумать запасной план с учетом новой информации.

Озриэль запустил руку в волосы и со вздохом взлохматил кудри.

— Орест — мой брат, Ливи, и я его люблю, и именно поэтому никогда не обольщался на его счет. Полагаться на него — все равно что попросить ветер дуть по графику.

— На этот раз он был очень серьезен, — поспешила заверить я. — Ты бы не поверил, увидев, насколько.

Ифрит только покачал головой.

— Что это?! — внезапно воскликнула мадам Гортензия и ткнула мне в грудь.

Я опустила глаза:

— Ах это... орхидеи, их мне подарил...

— Я прекрасно знаю, как они называются, — нетерпеливо оборвала гномка, — я спрашиваю, что *это*. — Проследив за ее пальцем, я вскрикнула, потому что один из цветков шевелился.

ПРО ГЕНИАЛЬНУЮ МАСКИРОВКУ И НОВЫЙ ПЛАН

Темница наполнилась криками:

— Это какая-то ловушка!

— Сними их немедленно!

— От кого они?!

На мне словно ядовитая гадюка висела. Я потянулась трясущимися пальцами снять бусы, не сводя глаз с цветка. Тот вдруг отделился от связки и вспорхнул, расправив крылья.

Крики смолкли, все в изумлении смотрели на гостью, делавшую круг по камере. Первым опомнился Магнус:

— Арахна!

Он бросился к бабочке и едва не перекувыркнулся, когда «цапелька» пресекла порыв. Это действительно была его возлюбленная. Даже тусклое освещение не могло скрыть восхитительные переливы крылышек. Ее появление здесь стало глотком свежего воздуха. Однако полет вышел не слишком гладким: бабочка заметно припадала на одно крыло. Видимо, Глуттон Медоречивый помял его во время осмотра, а она не смела шевельнуться, опасаясь выдать себя.

Арахна пролетела сквозь прутья нашей с Уинни камеры и зависла в паре дюймов от паука. Тот не спускал с нее восторженных глаз.

— Вот и ответ на твой вопрос, — заметила я. — Какая еще бабочка стала бы притворяться цветком, чтобы повидаться с возлюбленным узником?

Не уверена, что Магнус слышал меня, полностью поглощенный гостьей. Наверное, она что-то ему сказала на языке, понятном лишь этим двоим, или же паук читал ее мысли по легким взмахам крылышек, потому что прочувствованно сказал:

— Я ценю твой порыв, любовь моя, но тебе не следовало так рисковать.

Бабочка шевельнула усиками и вернулась в мою камеру. Подлетев ближе, приземлилась на бусы. Перепрыгнула с цветка на цветок, похлопала крылышками, явно о чем-то попросив.

— Чего она хочет, Магнус?

Паук выглядел таким же озадаченным.

— Чтобы ты сняла бусы.

— Нет проблем, только зачем?

Я выполнила просьбу и аккуратно положила орхидеи на солому. Арахна покружила, тщательно осмотрев их, приземлилась на один из цветков, тронула лепесток и тут же снова взвилась в воздух. Из венчика выползла огромная оранжевая гусеница, с ворсистыми лапками и фиолетовым гребнем на спинке, повертела головой из стороны в сторону и устремилась к соседней камере.

Эмилия громко вскрикнула. Мадам Гортензия не кричала, но стояла, хмурясь и внимательно вглядываясь в новую гостью.

— Что за пакость? — вырвалось у Озриэля. — Он загородил собой Эмилию и мадам Гортензию. — Осторожно, она может быть ядовита. Кстати, что это за мерзкий звук?

— Она лязгает зубами, — прошептала я, указывая дрожащим пальцем на гусеницу.

Похожий скрежет издает кольчуга, если провести по ней гвоздем. Страшнее, чем гигантская гусеница, может быть только гигантская гусеница с зубами.

Арахна нервно заметалась по проходу от одной камеры к другой, словно пыталась нас о чем-то предупредить.

Виновница паники тем временем уже подползла к прутьям. Озриэль занес ногу.

— Стой! — Мадам Гортензия поднырнула под его локоть и наклонилась, рассматривая угрозу.

— Что вы делаете, мадам? — ужаснулась Эмилия.

— Она не ядовитая! — радостно сообщила гномка, обернувшись. — Это *titania zubatus*.

Эмилия перевела взгляд на гусеницу, которая застыла, как будто чувствовала, что речь о ней, и ахнула:

— Не может быть!

— Да, теперь я абсолютно уверена, — мадам указала на гребень с липкими капельками на конце волосков, — видите этот бугорок на третьем кольце? Это их отличительный признак.

— Невероятно! — Эмилия встала рядом и тоже принялась изучать чудо природы. Глаза обеих сияли восторгом. В последний раз я наблюдала такую реакцию, когда герцогиня Залесья демонстрировала обручальное кольцо с крупнейшим в пяти королевствах бриллиантом.

— Простите, что прерываю биологическую лекцию, — вмешался Озриэль, — мы бы порадовались вместе с вами, если бы узнали, чему именно.

— Можешь опустить ногу, — спокойно сообщила гномка. — Перед вами гусеница титанового шелкопряда.

— Это хорошая новость? — уточнила я.

— Прекрасная! — Мадам сделала эффектную паузу и выпалила: — Это единственное в мире существо, способное перекусить «цапельку». — Она улыбнулась Магнусу. — А твоя Арахна молодец, смекалистая бабочка. Они обе молодцы — гении маскировки.

Пару секунд я, Озриэль и Магнус обдумывали информацию, а потом снова уставились на пугающую гостью. Та поняла, что опасность миновала, вползла в камеру и решительно направилась к Магнусу. Кряжистые лапки уверенно семенили к пауку.

— Что она делает? — заволновался тот.

Признаться, на его месте я бы тоже запаниковала.

— Вы уверены, что она безвредна? — уточнила я.

— Совершенно, — заверила мадам.

— Тогда зачем ей такие большие зубы? — взвизгнул Магнус, пытаясь отодвинуться.

Но тут гусеница поравнялась с ним, приподняла верхнюю треть туловища — если бы выпрямилась целиком, то достала бы Эмилии до колен, — схватила передними лапками «цапельку» и вгрызлась в нее.

Последовал звук, от которого все поспешно заткнули уши и поморщились. Некоторое время только он наполнял темницу, затем гусеница сплюнула металлическую труху и снова вгрызлась в нить с остервенением хищника, перекусывающего хребет антилопе. Так повторилось несколько раз. Наконец последовал финальный щелчок, и хвостик «цапельки» повис на лапке Магнуса.

Он неверяще уставился на нить и подрыгал лапкой.

— Она ее перекусила, — сообщил он.

— Мы заметили.

— А с решеткой она справится? — зажглась я.

— Нет, — Эмилия покачала головой, — ее зубы заточены только под «щапелку».

Покончив с миссией, гусеница вернулась в мою камеру, провожаемая взглядами, проползла мимо, ненадолго задержалась рядом с бабочкой — эти двое обменялись безмолвными репликами — вскарабкалась по стене к окошку под потолком и исчезла на другой стороне.

Первой разлепила губы мадам.

— Кто подарил тебе эти бусы, Ливи?

— Тот, на чей счет я сильно ошиблась. — Я сокрушенно покачала головой и рассказала им о встрече с Кеном. — Это может означать лишь одно...

— Жмутс узнал о мечтирисах не от него.

— Лизоблюдка ни разу не упомянул Кена, — заметила мадам. — Хоть в этом не стал врать.

— Мне следовало прислушаться к интуиции! В глубине души я не верила, что Кен предатель, но слишком рвалась найти виновного.

— Не казни себя, Ливи, — мягко сказал Озриэль, — многое указывало на него.

— Начать хотя бы с имени, — вклинился Магнус, — кто называет детей Кракенами?

— Мне кажется, он предпочитает сокращенное имя, — улыбнулась я.

— Хорошо, что парнишка не из обидчивых.

— Я рада, что Кен не шпион Жмутса, — застенчиво заметила Эмилия, — он мне всегда нравился.

Ее реплику дружно поддержали.

— Все это замечательно, но сейчас нельзя терять ни минуты. — Я повернулась к пауку. — Магнус, ты единственный из нас, за исключением Арахны, кто может отсюда выбраться.

— Я вас не оставлю, — заупрямился паук.

— Не просто оставишь, а побежишь со всех лап.

— Что ты задумала?

Я порылась в кармане, достала мятую карточку, расправила ее и чиркнула в уголке пару слов универсальным карандашом.

— Вот, найди мастера Хезария и передай ему, скажи, что дело срочное. В общем, обрисуй ситуацию. Поиски лучше начать с коттеджа госпожи Марбис. Если нам повезет, он не успел покинуть королевство. А потом сразу возвращайся обратно. Твою пропажу не должны обнаружить, иначе поймут, что мы что-то затеяли.

Магнус просеменил ко мне, звеня обрывком нитки, и взял визитку.

— Никогда о нем раньше не слышал. Кто он?

— Дракон, — как можно небрежнее ответила я.

В темнице воцарилась гробовая тишина.

— Дракон? — недоверчиво переспросил Озриэль.

— Это такое прозвище, или ты имела в виду, что он состоит в Лиге Солидарности Драконам? — уточнила мадам. — Потому что если так, вряд ли он станет тебе помогать.

— Нет, он настоящий дракон. Я с ним случайно познакомилась.

— Ты случайно познакомилась с драконом, — медленно повторил Озриэль, словно вдумываясь в смысл фразы.

— Ну да...

— Каких только чудес в жизни не случается, правда? — заметила Эмилия, пытаюсь

разрядить обстановку. Никто не обратил на нее внимания.

— С чего ты взяла, что он станет нам помогать? — Озриэль и не пытался скрыть враждебности. — Он же дракон.

Под его подозрительным взглядом я вся съежилась, а последнее слово вполне можно было заменить на «смертоносный слизняк-упырь» без потери смысла.

— Скажем так, в его интересах, чтобы меня не держали под стражей.

— И как это понимать?

Мадам вскинула ладони.

— Послушайте, мы можем спорить так до утра или воспользоваться возможностью, которую предлагает Ливи.

— Призрачной возможностью, — фыркнул Озриэль и демонстративно отошел в глубь камеры.

— Озриэль, — позвала я, — если бы я знала другой выход, то предложила бы. Неужели ты откажешься от помощи только потому, что она исходит от дракона?

— Ты сама-то себя слышишь, Ливи?! Или мне напомнить, чем обернулась последняя встреча с драконом? — Ифрит рванул воротник, обнажив след от плети. — Да и ты сама... — Он сделал неопределенный жест в мою сторону.

— Что со мной не так? — холодно осведомилась я.

— Ты так толком и не рассказала, как выбралась из замка.

— А ты предпочел бы, чтобы я там осталась?! — вспыхнула я.

Эмилия знаком велела нам замолчать.

— Слышите? Пробило полседьмого, скоро приведут Уинни. — Она повернулась ко мне и пояснила: — По вечерам ее обычно возвращают в камеру примерно в это время.

— Что она делает наверху? Неужели Марсий вызывает ее всякий раз, когда ему взбрдет в голову поесть?

— Скорее просто всякий раз, когда ему взбрдет в голову, — многозначительно заметил Магнус.

— Мы уже спрашивали, она не говорит, — пожала плечами мадам.

Я решительно тряхнула головой:

— Так, с этим позже. Озриэль, мне неприятно делать что-то против твоей воли, но лучше я рискну навлечь твой гнев, чем буду сидеть сложа руки и ждать, пока мой возлюбленный превратится в факел. Магнус, ты все запомнил?

— Кто тут кого нянчит? — проворчал паук и принялся шустро карабкаться на стену тем же путем, каким пять минут назад выбралась гусеница.

Арахна кружила рядом.

— Удачи вам, ребята! — шепнула Эмилия.

— Постарайся вернуться до утра, — напутствовала я.

Достигнув окошка, Магнус галантно пропустил бабочку вперед и, перехватив поудобнее визитку, последовал за ней.

Какое-то время все молчали. Уверена, остальные, как и я, обдумывали последние события. Мадам и Эмилия устроились на соломе, время от времени обмениваясь репликой-другой. Озриэль прошелся взад-вперед по камере, засунув кулаки поглубже в карманы и глядя себе под ноги.

— Озриэль...

— Да? — нехотя отозвался он.

— Не злись на меня.

Ифрит вздохнул:

— Я не злюсь, Ливи, а волнуюсь. Если я на кого и сердит, то только на себя.

— Но почему?

Он остановился и печально посмотрел на меня.

— Это я не сумел остановить Кроверуса в прошлый раз, не уберег тебя и не защитил. —

Он пнул клочок соломы. — А теперь взгляни на это. — Ифрит провел ладонями по груди. — Расползаюсь по кусочкам.

Его внешний вид действительно серьезно меня беспокоил: свечение усилилось по сравнению со вчерашним днем, кожа во многих местах болталась полуоторванными клочками, и сейчас слово «оболочка» как нельзя больше подходило ей. Было очевидно, что Озриэлю угрожает опасность, и новая оболочка нужна очень срочно.

— Ты боишься, что этот дракон меня увезет? — догадалась я.

Плечи ифрита вздрогнули. Он ковырнул ржавчину на решетке, не поднимая глаз.

— А разве такое невозможно?

— Нет, — рассмеялась я. — Каждому дракону назначена своя принцесса. Мейстер Хезарий не может меня увезти, потому что... вообще-то причин множество. Просто поверь на слово.

Озриэль медленно поднял голову и остановил на мне странный взгляд.

— А ты теперь много знаешь о драконах.

Повисла неловкая пауза. Мне почудилось, что он вложил в эти слова особый смысл.

— Хотела бы знать меньше, — сказала я шутливым тоном, но Озриэль даже не улыбнулся.

— А откуда этот твой мейстер знаком с профессором Марбис? — поллюбопытствовала Эмилия.

Тут наверху лязгнули замки, и мы с Озриэлем поспешно отошли от решетки, потому что привели Уинни.

В КОТОРОЙ БРОНЯ УИННИ ДАЕТ СЛАБИНУ

При гоблинше продолжать обсуждение было слишком рискованно. По взглядам я поняла, что друзья придерживаются того же мнения. Едва ли она на стороне Марсия, учитывая, что он держит ее здесь против воли, но нет гарантии, что Уинни не выдаст нас, если ей это будет выгодно. Сперва нужно прощупать почву.

Когда она, как обычно, улеглась на солому и, в порядке разнообразия, уставилась в потолок, а не отвернулась к стене, я начала наступление:

— Тоскливо здесь, да?

Гоблинша изумленно посмотрела на меня, словно с ней заговорила стена, потом хмыкнула, закинула руки за голову и поболтала ногой.

— Это ты вроде как в подружки набиваешься? Понимаю, великанша — та еще зануда.

Лицо Эмилии пошло красными пятнами, кулаки сжались, она хотела вскочить на ноги, но мадам удержала и тихонько покачала головой. Мне тоже стоило немалых усилий сохранить на лице выражение сочувственного участия.

— Тебя Марсий посадил сюда раньше всех нас, и тоже безо всякой причины, — продолжила я.

— И что? Беспокоишься обо мне?

— Напротив. Похоже, тебе здесь неплохо.

— О чем это ты? — Она резко выпрямилась.

Я внутренне ухмыльнулась. Уинни казалась совершенно непошибаемой, но стоило чуток пощекотать чувствительную точку на букву «М», и она становилась сама не своя.

— Ты единственная из нас, кого не заботит, как отсюда выбраться, — пояснила я, сделав вид, что не заметила вспышку. — Логично предположить, что тебя все устраивает... или даже нравится.

Уинни густо позеленела, глаза стали похожи на недозрелый виноград.

— Держи при себе это свое «логично», — передразнила она. — Я хочу выбраться отсюда не меньше вашего!

Я притворно вздохнула:

— Да, мадам Лилит не из тех, кто выпускает единожды сцапанную добычу.

— При чем тут эта грымза! Она бы и рада-радешенька от меня избавиться, но... — Гоблинша осеклась, кинула на меня сердитый взгляд и покрутила странные бусы. Я только сейчас их заметила. С виду как железные горошины.

— Но что? — настаивала я.

— Не твое...

— ...дело? Ты это уже говорила.

— Где ворчун? — внезапно спросила Уинни.

— Кто?

— Паук. Он бы сейчас не упустил случая впрыснуть яд.

— Магнус не ядовит.

— В отличие от некоторых, — не удержалась Эмилия.

— Ему просто нездоровится, — поспешно вставила мадам и кивнула в угол камеры, укутанный непроницаемой тенью. — Он там, отдыхает.

Я попыталась вернуть разговор в прежнее русло.

— Так что по поводу условий твоего заключения? Чего от тебя хотят?

Уинни спрятала бусы под платье и прищурилась.

— Слишком уж наседаешь, Золушка. Чего тебе от меня надо?

— Золушка, Цветочек! — вскипела я. — Меня зовут О-ЛИ-ВИ-Я, неужели так трудно запомнить?

— Ну, хорошо: О-ЛИ-ВИ-Я, чего тебе от меня надо?

Раз уж она спросила без обиняков, я тоже отбросила притворство:

— Расскажи о Марсии.

— Что? — Такого вопроса она явно не ожидала и затравленно обернулась на соседнюю камеру. Озриэль, Эмилия и мадам встали со своих мест и приблизились к решетке.

— Я имею в виду то, чего мы не знаем. Его слабое место. Если ты, как утверждаешь, тоже хочешь отсюда выбраться, нам нужна информация.

— С чего вы взяли, что я что-то знаю? — окрысилась она.

— Мы с Ливи случайно слышали вашу с ним ссору в «Наглой куропатке», — спокойно заметил Озриэль, — когда Марсий принес тебе цветобабочек. Поэтому знаем про вас.

Эмилия удивленно вскинула брови, но промолчала.

— «Слышали», — презрительно скривилась Уинни, вскочив на ноги. — Подслушали, хочешь сказать!

— Это действительно вышло случайно, — поддержала я.

— Кое-кому просто не мешало бы научиться ссориться потише.

Я строго посмотрела на ифрита, и он пожал плечами.

— Раз уж вы сунули любопытные носы не в свое дело, то должны знать, что нет никаких «нас» и никогда не было. Наше знакомство было чистой случайностью, о которой оба хотели бы забыть.

— Ты ошибаешься. Марсий так уж точно не хочет.

— Он надел на меня чугунные башмаки! — рассердилась Уинни и потрясла тощей щиколоткой, на которой остались следы.

— А ты вылила на него суп.

— Он посадил меня сюда!

— А ты намеренно игнорировала все его попытки примириться. Хотя знаешь, какая у него чувствительная гордость и как это его уязвляло. И даже Индрик был тебе нужен только потому, что он прямая противоположность Марсию.

Уинни фыркнула и сложила руки на груди.

— Мы не желаем Марсию зла, — мягко продолжила я и коснулась ее локтя, но гоблинша тут же отпрянула. — Обещаю, мы используем эту информацию лишь для того, чтобы отсюда выбраться, и не станем вредить ему.

— Не станем? — с сожалением уточнил Озриэль и отодрал очередной клочок кожи.

— Не станем, — твердо кивнула я.

— Да какое мне дело! Делайте, что хотите, мне сизбурмалиново, что с ним будет!

— И поэтому ты его защищаешь? — не удержалась от шпильки Эмилия.

— Я... что?! — Гоблинша аж задохнулась и стала похожа на загнанного зверька, хоть и старалась сохранить задиристый вид.

Я знаком попросила друзей помолчать и спокойно сказала:

— Знаешь, кого ты мне сейчас напоминаешь?

— Ну?

— Его. — Уинни явно заготовила язвительный ответ, но при этих словах растерялась. — Вы оба одинаково отчаянно стремитесь убедить всех вокруг, что вам ни до кого нет дела. Но в том, чтобы нуждаться друг в друге, нет ничего стыдного, Уинни.

— Уиннифред, — машинально поправила она, шмыгнула носом и смахнула выступившие слезы, но они снова появились, застыв в глазах лазурным стеклом.

На сей раз она не стала их вытирать. Неловко опустилась на солому, подтянула ноги, укуталась в старенький плед и, не глядя, сказала:

— Откуда мне знать, что ему нужно? Я простая подавальщица из «Наглой куропатки», а он король.

— Тем не менее ты лучше всех в королевстве знаешь, что ему нужно. Судьба — странная штука, правда?

Уинни отвернулась к стене и молчала целую минуту. Я уже думала, что она не ответит, когда услышала тихое:

— Свободы.

— Свободы? — удивилась я. — Но в руках Марсия в прямом и переносном смысле такая власть! Он повелевает одним из величайших королевств и может получить все, что захочет, кроме... — Я осеклась, потому что поняла: Уинни права. Нет ничего страшнее, чем величайшее королевство, свалившееся на тебя безо всякого предупреждения и совершенно тебе ненужное. Отсюда и приступы гнева, и пополнение парка чугунных статуй.

— Он что-то тебе говорил об этом?

— Конечно, нет, — буркнула она из-за плеча.

— Тогда что для него свобода? Как он ее себе...

— Послушай, Золушка, — Уинни откинула плед и села, — я ответила на твой вопрос. Больше я ничего не знаю, а тебе уже решать, что делать с этой «информацией».

Мы с друзьями молча переглянулись. Разговор с Уинни, если и продвинул, то не намного. По крайней мере, я пока не видела возможности использовать полученные сведения.

Вскоре принесли поздний ужин, после которого наступило время сна. Я пожелала остальным доброй ночи и улеглась, но спать не собиралась — хотела дождаться Магнуса. А еще беспокоилась, гадая, что принесет завтрашняя встреча с Орестом.

Долго лежала на боку, устроив под щеку сложенные лодочкой ладони и уставившись в темнеющий провал окна. Время тянулось, как сырое тесто, и в конце концов я, должно быть, задремала, ибо очутилась в уже знакомом замке. Ни капли не испугалась, потому что знала: это ведь понарошку, я никак не могу находиться сейчас в замке Кроверуса, потому что лежу в темнице Потерии. Я была как бы в двух местах одновременно и нигде по-настоящему.

Определившись с этим, я без опаски двинулась знакомыми коридорами, движимая любопытством и каким-то смутным нетерпением. Наяву я никогда так хорошо не ориентировалась в паутине переходов, но сейчас я была другой Ливи, из сна, той, которая с легкостью отпирала дверь башни и безошибочно находила любую комнату. И замок признавал во мне свою, раскрывая гостеприимные объятия.

Я скользила, едва касаясь ногами пола: мимо фамильных портретов в потертых рамах, галерей со статуями в чехлах, похожими на привидения, мимо стеклянной стены, за которой располагалась терраса с зимним садом, и затянутых кружевом паутины старинных доспехов, пока не очутилась перед дверями, образующими в сомкнутом состоянии крону дерева. Они

беззвучно распахнулись, приглашая войти, и я без колебаний вплыла внутрь, следуя дорожкой из горящего воска. Там меня уже ждали.

Он стоял в центре зала спиной ко мне, сцепив руки за спиной. В воздухе вокруг парили черные столбики свечей, на конце которых трепетали синие лепестки пламени. Я вдруг обнаружила, что одета как для бала: роскошное платье из кремового шелка, расшитое крошечными искорками алмазов и жемчужин, из-под пышных юбок, похожих на многослойное суфле, выглядывают носки атласных туфель, рукава у наряда буфами, и в прорезях проглядывает серебристая подкладка, к корсажу приколоты черная роза, припорошенная сединой изморози.

Стоящий спиной шевельнулся, и мое сердце гулко заколотилось. В груди начал нарастать жар, как будто там разгоралось пламя, плавя восковые ребра. Пальцы вспотели, а черная роза на корсаже начала распускаться. Я хотела позвать его по имени, но из горла вырвался только тихий всхлип, похожий на вздох. Мужчина начал поворачиваться, одновременно протягивая руку. Я протянула свою, чувствуя, что если наши пальцы соприкоснутся, то я стору... За секунду до того, как это произошло, меня разбудил шорох, совсем тихий, но я подскочила так, словно над ухом протрубили военный марш.

— Магнус! — прошептала я, вглядываясь в маленькую тень, скользящую вниз по стене.

* * *

Паук шустро перебирал лапками. Пока он спускался, я потерла глаза кулаком, прогоняя остатки сна, и убедилась, что остальные спят.

Клочок неба за окошком посерел, подернувшись ожиданием рассвета, значит, скоро утро. Я успела заметить, как снаружи мелькнул яркий лоскуток — Арахна улетела.

— Ну как? Есть новости? Ты его нашел? Передал послание?

— Нет, не передал, я его не видел.

— Что? Почему? Мы опоздали, он улетел? — Я едва сдержалась, чтобы не перейти на крик от отчаяния.

— Он все еще в Потерии, Оливия.

— Откуда ты знаешь, если не встречался с ним?

— Мне удалось выяснить, что на это имя на завтрашнюю ночь зарезервирована комната в гостинице над «Наглой куропаткой».

— Только на одну ночь?

— Да. Кстати, вот, не решился ее оставлять. — Он протянул мне визитку.

Я машинально взяла ее и сжала виски.

— Значит, завтра, вернее, уже сегодня, у нас будет последний шанс с ним связаться. Тебя никто не видел?

— Раз или два чуть не засек патруль, — Магнус передернулся от воспоминаний, — и все из-за этого... — Он потряс лапкой, на которой поблескивал обрывок нитки. — Но не мне жаловаться, я хотя бы размялся на воле. — Он посмотрел на спящих за решеткой товарищей. Их силуэты были едва различимы отсюда.

— Хорошо, что ты успел вернуться до утреннего обхода. Я боялась, что они обнаружат пропажу, начнутся расспросы...

— Мы с Арахной уже давно вернулись, но не меньше часа плутали в поисках нужного

окошка, их тут столько! Еле вас нашли. А как вы? Есть какие-нибудь новости?

— Не особо.

Я пересказала ему разговор с Уинни.

— И как же заносчивые засранцы понимают свободу? Уйти в закат, бросив королевство на произвол судьбы?

— Понятия не имею... Но есть все шансы, что очень скоро мадам Лилит избавит его от королевства, вот только вряд ли подарит взамен свободу.

— А, может, это был бы не самый худший вариант? — задумчиво произнес Магнус, но под моим взглядом развел лапками. — Ладно-ладно, я так, мысли вслух. — Он повернулся туда, где спала Уинни. — И это она подсказала? Никогда бы не подумал, что Уинни... Фред, — иронично добавил он, — умеет читать между строк.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда мы с Арахной выбирались из дворца, то мельком видели их с Марсием в одном из окон. Со стороны выглядело как обычная ссора и взаимные оскорбления. А они, оказывается, обсуждали философские вопросы свободы.

Я тихонько прыснула в кулак и покосилась на гоблиншу, но ее дыхание было по-прежнему ровным. Она только пробормотала что-то во сне и перекатилась на другой бок.

— А о чем они говорили? — полюбопытствовала я.

— Что-то про грифонов, мерзких лгунишек и танцы на столе.

Мои брови прыгнули на лоб домиком:

— Танцы на столе?!

Я невольно представила Марсия, танцующим на стойке в «Наглой куропатке».

— Подробностей не знаю, — продолжил Магнус, — мы с Арахной не стали задерживаться.

— А что с грифоном?

— Какая-то давняя история, — отмахнулся паук. — Уинни обвиняла Марсия в убийстве новорожденного грифона, а тот ее — в обмане. Там еще фигурировали бусы.

— Марсий убил детеныша грифона?! — Я содрогнулась, и зародившееся было к нему сочувствие погасло. Кем нужно быть, чтобы убить новорожденное существо! Может, отец Марсия был не так уж далек от истины, назвав его чудовищем?

— Его Величество все отрицал, утверждая, что отпустил его. А как оно там было на самом деле...

Магнус передернулся, приподнял натирающее колечко и устало почесал лапку.

— Кстати, ты знала, что грифоны издавна считаются символом свободы?

— Впервые слышу... — Я пожевала губу и обдумала остальное. — Еще упоминались бусы, говоришь?

Уинни даже во сне сжимала дешевое украшение, привлечшее мое внимание накануне вечером. Тогда она спрятала его под платье, но ночью непроизвольно вытащила и намотала на палец. Прежде мне казалось, что бусины из металла, теперь же, приглядевшись, я могла вполне уверено сказать, из какого — из чугуна.

— Свобода, мертвый детеныш грифона, чугунные бусы и танцы на столе — негусто, — резюмировала я.

Сентенция не требовала ответа, поэтому Магнус просто развел лапки и широко зевнул, шевельнув жвалами.

— Ты шатаешься от усталости, — опомнилась я. — Иди поспи хотя бы пару часов, мы

сказали Уинни и стражникам, что ты неважно себя чувствуешь.

— Вы не солгали, — проворчал паук и потащился в соседнюю камеру, стараясь не слишком звенеть «цапелькой».

Через минуту оттуда послышался раскатистый храп. В ответ раздалось недовольное бормотание, и вскоре Магнус остался в темнице единственным спящим.

ПРО ТЕХ, КТО ДОСТОИН САМОГО ЛУЧШЕГО, И ТЕМПЕРАМЕНТНЫХ ИФРИТОВ

Грациана уже готовилась сесть в седло, когда вынуждена была обернуться.

— Госпожа!

Через двор к ней бежала запыхавшаяся служанка. Остановившись на краю взлетной площадки, она опасливо покосилась на Феломену. Грациана потрепала любимицу по шее и недовольно посмотрела на Люсиль.

— Ну? Что-то срочное? Соображай быстрее, иначе я опоздаю на прием.

Причиной раздражения служил сам прием. Лететь не хотелось, но надо. Все эти визиты вежливости и необходимость подавать пример остальным бывают так утомительны!

— Вам посылка от господина Кроверуса.

Наконец-то! Вчера прислал на полчаса раньше.

— Отправь обратно, — равнодушно отозвалась Грациана, поглаживая горячую чешую дымчато-стального оттенка. Феломена жмурилась от ласки хозяйки. — Письмо прилагалось?

— Да, вот. — Девушка порылась в переднике и радостно протянула конверт в надежде, что хозяйка наконец передумала. Все-таки господин Кроверус ухажер хоть куда и настойчивый на зависть. Она, Люсиль, после первого раза бы уже сдалась.

Грациана скользнула взглядом по плотной бумаге с гербовым оттиском поверх сургуча. В самый первый раз она велела аккуратно отпарить место склейки. Внутри, естественно, содержались извинения. По прочтении письмо было приведено в первоначальный вид и возвращено как нераспечатанное. В этом деле Люсиль настоящая мастерица. Хоть на что-то годится.

— Не надо, убери и отошли все обратно.

Девушка разочарованно спрятала послание.

— Слушаюсь, госпожа...

Грациана отвернулась и элегантно приподняла подол. Драконюх тут же засуетился и подставил сложенные замком руки. Она уже поставила на них ногу, но вспомнила еще кое о чем:

— Постой, Люсиль, прислал то же, что и вчера?

— Сегодня еще фрезии, передающие самые последние новости из тех земель, где растут, и алмазные камелии — раскрошенные лепестки, добавленные в пудру, омолаживают кожу и придают ей неземное сияние. Говорят, в мире всего три куста...

Грациана хмыкнула и вскочила в седло.

Вот когда придет с единственного в мире куста, она, возможно, и снизойдет до короткого ответа.

Рано или поздно Грациана, конечно, смилостивится, чем несказанно осчастливит Якула. Но не раньше, чем его примут в Драконий клуб. Не может же она рисковать положением в обществе, связывая судьбу с драконом с неопределенным будущим. Он и сам должен это понимать.

Грациана достойна только самого лучшего.

— Когда будешь отсылать все обратно, заодно закажи у Мартинчика побольше противоураганного лака.

Она поправила идеальную прическу и тронула поводья.

Феломена взяла разгон, и небеса раскрыли Грациане гостеприимные объятия.

* * *

Якул коротко взглянул на слугу.

— Я понял, Хоррибл, можешь ничего не говорить. — Тот заметно повеселел, избавленный от необходимости извещать хозяина об очередном отказе. — Я не за этим тебя позвал. Скажи... тебе доводилось иметь дело с волшебными предметами, позволяющими увидеть то, что происходит в другом месте?

Хоррибл задумался.

— Иметь дело — не имел, но я о таких слышал.

— А подробнее?

— Есть подслушивающие цветы, вещи источники — но тогда придется выезжать на место... А! На сером рынке еще встречается лигурий: если выколоть себе глаза и поставить на их место эти камни, в течение пяти минут будешь видеть все, что происходит в любом уголке земли.

— Если мне не изменяет память, лигурий — это окаменевшая моча рыси.

Хоррибл пожал плечами:

— Что вы хотите, это серый рынок.

— А что-нибудь попроще и не требующее кровавых жертвоприношений?

— Я поищу.

— Спасибо. Если что-то найдешь, дай знать.

— Конечно, хозяин.

* * *

Встреча с Орестом прошла успешно, несмотря на то, что поведение ифрита было на редкость дерзким даже для него. Первая стычка случилась еще в самом начале: Глюттон Медоречивый ласково заметил, что при леди все-таки не мешало бы снять темные очки. Ифрит огрызнулся, но очки снял, явив нашему взору внушительные мешки под глазами и пепельное лицо с зеленоватым отливом. Не удивлюсь, если он сегодня вообще не спал.

— Пятьдесят сундуков, — прохрипел он и тут же замолчал, словно борясь с тошнотой.

— Видимо, на девушек в барах это хорошо действует — говорить загадками, — раздраженно заметила мадам Лилит, — но здесь приветствуются развернутые предложения.

— Нет, на девушек в барах хорошо действует: «Коктейль за мой счет, крошка. Кстати, я не упоминал, что перед тобой принц и без восьмидесяти ифритов подземный король?» — Шутку не оценили, поэтому Орест вздохнул и пояснил: — Гномы согласились, но запросили за это в общей сложности полсотни сундуков.

— Золота?

— Клубничных леденцов и лесных орешков. Конечно, золота! — разозлился он. — И самоцветов. В соотношении один к трем.

Интересно, зачем гномам самоцветы? Я-то думала, они в них буквально купаются —

сами же добывают.

Мадам Лилит сохранила невозмутимость, но я видела, как она задержала воздух, а потом тихонько выдохнула. Кончики пальцев подрагивали, когда она машинально погладила Руфоцефалуса. Сперва я решила, что ее ошеломила цена, и только потом сообразила: то было проявление радости. Первый советник готова заплатить любую цену, отдать сколько угодно золота ради своей цели. Золото вообще легко отдавать, когда оно не твое.

— Это все? — спокойно спросила она, но уголки губ едва заметно приподнялись.

Я поморщилась от отвращения при виде этого скрытого торжества.

— Плюс покрыть сопутствующие расходы, — обронил Орест, порывшись в заднем кармане штанов и протянул ей изрядно помятый листок. — Так, кое-что по мелочи, я составил список.

Мадам Лилит быстро проглядела его.

— Упаковка жвачки с ароматом дыни, трубка мира, полдюжины пластин мятного табака, — ифрит кивал в такт, — и счет на двести золотых из подземного кабаре...

Первый советник подняла глаза.

— Такие сделки с наскоку не заключаются, — ошетинился Орест, — к гномам нужен подход.

Мадам Лилит хмыкнула и продолжила читать:

— Новая кожаная куртка...

— Я протер свою до дыр, продираясь по всем этим шахтам.

— ...и три ящика энергетической лавы.

— Не задумывались, почему я до сих пор держусь на ногах? После марш-броска по всем шахтам королевства.

Заговорщица смерила ифрита насмешливым взглядом, аккуратно сложила листок и передала его дядюшке.

— Проследите, чтобы ему все возместили.

— Всенепременно, племянница.

Орест приметно расслабился. Видимо, и впрямь поистратился.

— Когда гляделки будут у меня?

— Завтра во второй половине дня.

— Отлично, значит, у нас останется еще полдня в запасе. — Последнее первый советник адресовала Глюттону Медоречивому, и тот подтвердил это кивком.

— Полдня? А что случится в понедельник утром? — поинтересовался Орест.

— Праздник в честь нового короля, — любезно пояснила мадам Лилит, в которой проснулась словоохотливость. — Съедутся самые видные представители знати со всех близлежащих королевств.

— Так я и знала, — тихонько прошептала я, но первый советник расслышала и хитро подмигнула.

— А, круто, ладно. Наземные дела нас не касаются. Все равно вы не умеете как следует веселиться. — Ифрит пошарил глазами по залу, нетерпеливо постукивая дужками очков. — Ну, и где он?

— Кто? — делано удивилась мадам Лилит.

— Оззи. — Орест со значением щелкнул оправой и затолкал очки в нагрудный карман. — Я выполнил свою часть сделки. Теперь освободите моего брата.

Мадам Лилит протерла на зеркале воображаемое пятнышко как раз напротив носа

Ореста (он поморщился и отодвинулся) и только после этого ответила:

— Твой брат получит свободу, как только жители города узрят истину с помощью гляделок, своевременно предоставленных тобой и гномами. А произойдет это в понедельник на празднике в честь новой... монаршей особы, — скромно закончила она, и щеки порозовели. Похоже, в своем воображении мадам Лилит уже принимала корону из рук благодарных жителей Потерии, прямо на празднике, не сходя с места, пока Марсия вели в кандалах прочь.

Я сжала кулаки. Бесчестная лгунья!

Пару мгновений смысл ее слов просачивался к Оресту сквозь все ночные коктейли и пластины табака, а потом он взорвался:

— Вы спятили?! Он не доживет до этого лучезарного мгновения! Праздник ведь только послезавтра! Как он, Ливи? — Ифрит повернулся ко мне, и за всей бравадой и напускной развязностью мелькнул настоящий испуг.

— Он держится, Орест. С ним все...

— В порядке?! Не нужно мне заливать, я в курсе скорости разложения оболочки, не одну сносил.

— Попридержите эмоции, сир Ирканийский, — прощепетала мадам Лилит, — если вы хотите...

— Ах ты, мелкая, лживая... — Ифрит выпростал руки из зеркала и схватил первого советника за воротничок.

— Орест, нет! — Я кинулась вперед, чтобы предотвратить катастрофу, но Эол Свирепый оказался проворнее. Гигант зарычал, одним прыжком очутился возле ифрита, сгреб его за куртку — по поверхности зеркала от такого вторжения побежали трещины, — и занес кулак для удара.

Орест зажмурился. Я с громким криком прыгнула великану на спину и попыталась закрыть ладонями глаза. Он замотал головой, уворачиваясь.

Посреди всей этой заварухи раздался властный голос:

— Хватит. — Мадам Лилит разгладила мятое платье, поправила изумрудную брошку на воротничке и велела своему телохранителю не терпящим возражений тоном: — Отпусти его.

— Но, моя королева...

Глаза Ореста округлились бы, не будь они сдавлены со всех сторон припухшими веками.

— Ах, вот оно что, — протянул ифрит и посмотрел на нее совсем по-другому, — королева! Высоко метите — себе не по росту.

Мадам Лилит сделала вид, что эти слова ее не задели, но я-то прекрасно знала, как уязвляют ее замечания в адрес несерьезной внешности, которая явилась расплатой за злодеяние против моего отца. Уверена, мысленно она подвергла Ореста дюжине мучительных казней, но вслух лишь повторила приказ.

Здоровяк разочарованно фыркнул и отпустил ифрита, после чего закинул руку за шиворот, снял меня и аккуратно опустил на пол. В глаза бросилось лицо Глюттона Медоречивого. Он держался поодаль и явно забавлялся, наблюдая эту сцену. Во встрече он принимал лишь опосредованное участие.

— Вот аванс, о котором договаривались. — Первый советник кивнула, и великан швырнул ифриту мешочек с золотом, намеренно угодив в живот. Орест застонал. — Жду тебя завтра в моем кабинете.

— Не... здесь? — выдавил он сквозь стиснутые зубы, все еще пытаюсь отдышаться.

— Нет, я оставлю зеркало у себя распечатанным с самого утра — на тот случай, если принесешь гляделки пораньше. Стучись в любое время, — усмехнулась она, — но не забывай, что ты во дворце. Проверь, нет ли кого в коридоре, — велела она Эолу Свирепому и подняла руки, чтобы запечатать зеркало.

— Подождите, — взмолился Орест, — оставьте Оззи в темнице, но позвольте ему хотя бы переодеться, вот, я принес. — Он нагнулся к стоящей справа котомке, которую я раньше не заметила, и начал вытаскивать оттуда нечто, начинавшееся с белокурых кудрей.

— До завтра, ифрит, — жестко улыбнулась мадам Лилит и отключила зеркало.

Последнее, что я видела, это Орест, растерянно замерший над котомкой с наполовину вытащенной оболочкой. Лицо у него еще сильнее осунулось по сравнению с началом встречи, а круги под глазами казались нарисованными углем.

Я с яростью посмотрела на мадам Лилит, которая как раз закончила бормотать заклинание, встряхнула руки и повернулась к двери, за которой уже ждал Эол Свирепый.

— Могли бы хотя бы притвориться, что не наслаждаетесь своей властью над другими.

— Зачем? — искреннее удивилась она. — Я ведь наслаждаюсь! Мальчишка Фьерский любит похвалиться своими ручками, но ему далеко до этих. — Она вытянула ладошки, перевернула их и поиграла пальчиками, унизанными перстнями. Правая рука сжалась в кулачок. — Вот где настоящая власть!

В КОТОРОЙ Я ОЧЕНЬ ВОЛНУЮСЬ ЗА ОЗРИЭЛЯ

— Алчные гномы, — бросила мадам Лилит на обратном пути. Они с Глюттоном Медоречивым шли впереди, а мы с Эолом Свирепым следом. Только предстоящая встреча Магнуса с мастером Хезарием удерживала меня от того, чтобы не вцепиться ей в волосы. — Лишь бы растащить свои стекляшки по норам, как крысы!

— Вы же знаете, племянница, как трепетно они к ним относятся. По слухам, сейчас под землей нарастают репатриационные настроения. Силу набирает группировка, чей лозунг: «Самоцветам место в шахте». Они хотят вернуть все ранее проданные, выменянные и подаренные камни туда, где их добыли — под землю.

— Радикалы, — поморщилась мадам Лилит и покрутила колечко, вероятно, представив его без огромного турмалина в центре, — только этого нам сейчас не хватало.

— Они называют это делом родовой чести. Мол, если ничего не предпринять, скоро драгоценный камень перестанет быть символом гномов, окончательно превратившись в забаву для наземных богачей.

— Придется забыть о родовой чести, если не хотят, чтобы им полностью перекрыли торговлю, а в перспективе и путь наверх, — отрезала мадам Лилит. Они с принцем свернули в один из центральных коридоров, а мы с моим провожатым — к боковой лестнице.

По возвращении я сразу почувствовала неладное.

— Озриэль, что с тобой?

— Нничего, Ливи, просто устал и прилег отдохнуть.

Он едва выдавил эту фразу и в конце слабо закашлялся. Ифрит лежал у стены, Эмилия и мадам подложили ему под голову свернутое одеяло и сверху накинули еще несколько. Несмотря на это, его била крупная дрожь.

Великан погромел ключами, отпирая камеру, и потянул меня за локоть, но я вывернулась и прижалась к прутьям. Лица Озриэля, остававшегося в тени, я видеть не могла и испугалась еще сильнее. Во взглядах мадам Гортензии и Эмилии отражалась тревога, хоть они и пытались ее скрыть. Магнус то и дело прижимал ко лбу Озриэля платочек. Когда наши глаза встретились, он отвел свои.

— Это... из-за оболочки? — тихо спросила я, изо всех сил стараясь унять дрожь в подбородке. — Тебе очень плохо?

— Н-н-не волнуйся, я в норме, правда.

Я вопросительно посмотрела на Магнуса.

— Если он в норме, то я принцесса фей, — вздохнул паук.

— Не верь ему, — слабо рассмеялся Озриэль и зашелся в новом приступе кашля, при этом он неловко повернулся, из-под одеяла вырвались клубы мерцающего синего дыма и расплзлись по камере, медленно тая в темноте.

У меня перехватило горло от ужаса.

— Не говори больше ни слова, побереги силы!

— Ну все, — буркнул Эол Свирепый и попытался оттащить меня, — свидание окончено.

«Оттащить» громко сказано — мне нечего было ему противопоставить, но тут вмешалась мадам. Она подошла ближе, обхватила пальцами решетку и окинула фигуру

гиганта оценивающим взглядом.

— Я-то думала, что у такого большого и сильного мужчины все остальное тоже внушительных размеров, — сказала она, напустив в голос томной хрипотцы, — включая... сердце.

Эол Свирепый застыл, словно его огрели по лбу сковородкой. Прежде гномка не достаивала его и словом, не говоря уже о целой фразе.

Видя, что подействовало, она придвинулась еще ближе и продолжила:

— А потому вам, как никому, должны быть понятны страдания влюбленных, жаждущих провести лишние пару минут наедине. Разве же это преступление?

Я воспользовалась моментом и выскользнула из хватки великана. Он даже не заметил: стоял, зачарованно глядя на мадам и слегка покачиваясь на пятках, как мальчик, внимающий волшебной флейте. И мадам нажала на все клапаны.

Пока она его отвлекала, я вернулась в угол, который был ближе к Озриэлю, и спросила Эмилию:

— Когда началось?

— Вскоре после того, как тебя забрали наверх. С тех пор он не вставал.

— Это я-то не вставал? — Ворох одеял зашевелился, ифрит попытался сесть, но не смог даже приподняться на локтях и упал обратно, прерывисто дыша и больше не делая вид, что все в порядке.

Озриэль поспешно перехватил платочек, который Магнус прижимал к его лбу, и кашлянул. Когда он его отнял, на ткани остались голубые разводы.

— У тебя... кровь?!

У него не хватило сил ответить.

— Раньше ее не было, — поспешно заверила Эмилия и наклонилась поправить одеяло, — это в первый раз.

Она вопросительно подняла брови и беззвучно спросила: «Мадам Лилит?», после чего скосила глаза на Озриэля.

Я помотала головой, и Эмилия тихонько погладила одеяла.

Мне хотелось кричать от бессилия: я наблюдаю за его угасанием, вернее, разгоранием и ничего не могу поделать!

— Он мерзнет? Поэтому одеяла?

— Нет, — покачал головой Магнус.

— Мы надеялись, что это поможет от... что так она не будет слишком быстро... но... — Подруга всхлипнула и умолкла.

Я поняла, что она хотела сказать: оболочка активно расплзается, но никаким одеялом тут не помочь.

— Озриэль держится молодцом. — Паук мягко потрепал ифрита по плечу.

— Мне жаль, Золушка, — подала голос Уинни. — Понимаю, что тебе от этого ни жарко ни холодно, но... мне правда жаль.

Я обернулась и коротко кивнула.

— Благодарю, Уиннифред.

— Уинни, — поправила она и скупно улыбнулась.

Я ответила тем же, сглотнула и снова повернулась к Озриэлю:

— Ничего не говори, просто лежи и слушай: встреча с Орестом прошла замечательно. Ты бы удивился, увидев, как он преобразился. Твой брат был сама собранность и

деловитость. — Я перевела дыхание, подавила спазм в горле и продолжила бодрым тоном. — Ради тебя он за последние сутки совершил немыслимое: договорился с гномами всех близлежащих территорий, и те обещали изготовить нужное количество гляделок. Все жаловался, что шахты не место для его куртки, ее теперь придется выкинуть, можешь себе представить, как он ворчал?

Озриэль издал слабый смешок.

— Да уж...

— Тише, просто слушай. Суть в том, что он уладил дело, и заказ для мадам Лилит доставят уже завтра. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть. Твоя новая оболочка ждет не дождется примерки!

— Это... отличная новость, Ливи, — ответил Озриэль с расстановкой, несмотря на мой запрет. — Орест... кто бы мог подумать, что именно он...

— Тшшш, тише, Озриэль, — нежно прошептала я и добавила, — видишь, как все здорово. Ты только держись, пожалуйста. — Я зажала себе рот ладонью, чувствуя, что если скажу еще хоть слово, то расплачусь.

— Пора, — раздался трубный бас Эола Свирепого.

Ему пришлось отрывать меня от клетки. Я до последнего пыталась убедить его немедленно доложить первому советнику о состоянии Озриэля или хотя бы позвать лекаря, но безуспешно. Великан делал свою работу без особого удовольствия. Думаю, он тоже втайне сочувствовал ифриту, но приказ мадам Лилит ставил превыше всего. Он верил в свою королеву и в то, что она поступает правильно.

Перед уходом он помедлил возле камеры мадам.

Когда наверху хлопнула дверь, я поблагодарила гномку:

— Спасибо, что отвлекли его и подарили нам с Озриэлем несколько минут.

— Хотела бы я помочь чем-то более существенным...

— Но то, как вы с ним справились, просто волшебство! — хихикнула Эмилия, и от этого звука мне, как ни странно, полегчало. — Прямо-таки укротили! Как вам удалось?

Гномка пожала плечами:

— Ничего особенного: погладила тщеславие, подкормила гордость, удобрила лестью и пощекотала надежду. — Она отошла в глубь камеры и вздохнула. — Как же я соскучилась по своим цветочкам!

— За ними кто-нибудь ухаживает?

— А ты как думаешь? — резко ответила она. — Я передала Робину ключи от лавки перед арестом. Неужели ты хоть на миг допустила, что я оставила бы их без присмотра? Фианютки такие нежные! Их нужно подкармливать каждые тридцать две минуты... — Она потерла лоб. — Прости, что была груба, Ливи. Чувствую себя многодетной матерью, которую держат вдали от детей.

— Вам не за что извиняться, — сказала я, а Эмилия взяла гномку за руку, вложив в пожатие все сочувствие и поддержку.

Хоть мадам этого и не высказала, но я знала, что ее также беспокоит отсутствие вестей от Робина. Если вначале он предпринимал попытки добиться справедливости, подавал петиции, то вот уже почти двое суток никак не напоминал о себе.

У каждого из нас за пределами этой темницы остались близкие существа: у Эмилии — Индрик, у Магнуса — Арахна, у мадам — Робин и обитатели «Эксклюзив-ных». Мой любимый находился рядом, но, кажется, я еще никогда не была так близка к тому, чтобы его

потерять.

— Я слышала, что ты сказала Озриэлю, — продолжила мадам, — значит, все должно решиться уже завтра?

— Да, завтра... послезавтра, — беззвучно добавила я так, чтобы Озриэль не услышал, и продолжила вслух: — Мадам Лилит сгорает от нетерпения и хочет как можно скорее осуществить свой суперзлодейский план, что в нынешней ситуации нам только на руку.

— Суперзлодейский план? — удивилась Уинни.

— Послезавтра ведь праздник в честь Марсия? — добавила Эмилия.

И тут я сообразила, что сболтнула лишнего. Уинни ведь была не в курсе захватнических планов первого советника. Даже друзьям я рассказала все, кроме правды об истинном содержании свитка. Не знаю, почему я его утаила... Наверное, потому что эта информация способна разрушить Марсию жизнь и перечеркнуть достижения всех его предшественников, ведь после такого в глазах народа они будут носить клеймо узурпаторов. И пусть речь идет о Марсии, заточающем любимую девушку в темницу, убивающем новорожденных грифонов и примеряющем неудобным послам чугунные костюмы, я не готова была взять на себя такую ответственность. Я дала зарок, что воспользуюсь этой информацией, только если не останется другого выбора.

На память пришли слова мадам Лилит о том, что она прибегает ко лжи лишь в самом крайнем случае, и я поежилась, всячески стараясь не думать о схожести нашего образа мыслей.

Осторожно выбирая слова и с молчаливого одобрения друзей, я рассказала гоблинше о планах первого советника.

— Теперь точно известно, что она собирается провернуть все это послезавтра, на празднике в честь новой «монаршей особы», она сама призналась.

— С чего пигалица решила, что у нее получится? — удивилась Уинни. — И все из-за какой-то старой бумажки?

— Это не просто бумажка. В ней важная информация против Марсия. По крайней мере, мадам Лилит считает, что ее будет достаточно для свержения короля, и я склонна с ней согласиться.

— Но она ведь может и ошибаться, так? — спросила мадам Гортензия.

— Вряд ли.

Гномка пристально посмотрела на меня, как будто хотела о чем-то спросить, но не стала.

— Погоди, как это? — вмешалась Уинни. — Ты же сказала, что свиток написан за тыщу тыщ лет до его рождения?

— В документе речь не конкретно про Марсия — про весь его род. А сейчас он единственный представитель, так что ударит именно по нему.

— Да что в свитке? — не выдержала раздатчица. — Ты же забирала его из подземного зала, так что должна знать.

— Не было времени читать, — уклонилась я. — Разобрала только самое начало, а потом начался обвал. Знаю лишь, что содержимое серьезно повредит королю.

Теперь уже и Эмилия внимательно посмотрела на меня.

— Все, что нам нужно знать: мадам Лилит хорошо подготовилась.

— А ей-то какой с этого прок? Хочет посадить кого-то на трон вместо Марсия?

— Да. Себя.

Уинни недоверчиво фыркнула и расхохоталась.

— Тогда она еще безумнее, чем я думала.

— Отнюдь. Зная первого советника, можно не сомневаться: у нее припрятан козырь в рукаве.

— Я бы на ее месте припрятал, — вставил Магнус.

Я сама над этим размышляла: лишь с ее собственных слов мне известно, что мадам Лилит потомок первого короля, но где доказательства? В итоге я пришла к выводу, что у нее имеется что-то вроде фамильного перстня или документа, подтверждающего притязания.

— Как она будет демонстрировать жителям свиток? — вмешалась мадам. — Не передавать же из рук в руки?

Я была готова и к этому вопросу: что-то поняла по отрывкам из ее бесед с дядей, остальное восстановила логически.

— Сперва соберет всех в одном месте, где-нибудь на площади, якобы для официальной речи, потом раздаст жителям гляделки и применит к свитку что-то вроде заклятия распухания... — Магнус мрачно усмехнулся. — По крайней мере, я бы сделала именно так.

Наступила тишина, прерываемая лишь тихим кашлем Озриэля.

— Как он, Эмилия?

Подруга отогнула одеяло, закусил губу и промокнула ему лоб.

— Держится, Ливи.

— Мне... лучше.

Последние пять минут гоблинша стояла, ковыряя мох в расселинах кладки и о чем-то напряженно размышляя.

— То есть вы... за Марсия?

— Мы против мадам Лилит, — ответила я, подумав.

— Это значит, что вы хотите видеть *его* королем? — настаивала она.

Мы с друзьями переглянулись.

— Я бы так не сказала, но из двух зол...

— Он превратил Индрика в статую! — возмущенно напомнила Эмилия.

— Запер Озриэля здесь в полуразрушенной оболочке и уничтожил мою репутацию, публично поддержав Жмутса... — вздохнула мадам, — но я согласна с Ливи. С ним у нас есть шанс отсюда выбраться, с мадам Лилит — нет.

— Сейчас нас держит тут лишь его раздражение, уязвленное тщеславие и озлобленность на весь мир, — продолжила я, — тогда как ею движет голый расчет и холодная голова.

— Гремучая смесь, — заметил Магнус. — Хотя раздражение, гордость и озлобленность я бы тоже не стал сбрасывать со счетов.

— Именно мадам Лилит их в нем подогревает, и теперь мы знаем почему.

Уинни выдрала целую ленту мха, отбросила ее, стряхнула руки и посмотрела на каждого из нас по очереди исподлобья.

— Но вы собираетесь что-то сделать, чтобы ей помешать?

Я пожалала плечами, а Магнус буркнул:

— Если есть идеи, мы слушаем.

— Трудно предпринять что-то, сидя здесь. И еще, Уинни... несмотря на свое к нему отношение, ты должна понимать, что Марсий сейчас не лучший король для этой страны...

— Мне-то ты чего заливаешь, Золушка? — огрызнулась она, снова став похожей на себя прежнюю. — Какое мне дело до того, что с ним будет? Да и со всем этим чертовым

королевством!

Мадам Гортензия вздохнула, Эмилия покачала головой, Магнус махнул лапкой, отошел к Озриэлю и спросил, не нужно ли ему чего.

Вскоре за Уинни явились, чтобы, как обычно, отвести наверх. Когда гоблинша была уже на середине лестницы, я ее окликнула.

— Уинни, знаю, что тебе захочется сделать...

— Неужели? — прищурилась она.

— Да. Но не стоит ему рассказывать. Он не поверит, только разозлится.

Уинни передернула плечами и, ничего не ответив, проследовала наверх.

— Она расскажет, — резюмировала мадам Гортензия.

— Вне всякого сомнения, — поддержала Эмилия.

* * *

Якул с недоверием смотрел в книгу, которую держал перед ним Хоррибл. Наконец поднял глаза.

— Ты уверен?

— Абсолютно, — заверил слуга и щелкнул ногтем по странице. — Здесь четко сказано, как избавиться от Знака.

Якул снова перевел взгляд на одну-единственную строку.

— Так просто?

— Как видите, — вздохнул Хоррибл, опуская книгу на стол. — Вы уверены, что все еще этого хотите?

Якул мрачно посмотрел на него.

— С чего мне менять мнение? — Он жестом отпустил слугу: — Иди, я хочу остаться один. Нет, постой, как насчет той вещи, о которой я тебя просил?

— Магической подглядывалки?

Якул поморщился.

— Да.

— Уже на подходе.

Когда Хоррибл вышел, Якул откинулся на спинку кресла и сложил кончики когтей, задумчиво глядя на книжную страницу.

Кто бы мог подумать, что все окажется так легко...

ПРО ОБЕСКУРАЖИВАЮЩИЕ ИТОГИ ВСТРЕЧИ С МЕЙСТЕРОМ

Через некоторое время Озриэлю стало чуть лучше. Он даже смог спустить ноги на пол и съел пару ложек супа, но снимать одеяла отказался, так и сидел, закутавшись в них.

— Озриэль, это глупо, — увещевала я. — Ручаюсь, тебе в них жарко и жутко неудобно, а пользы никакой.

Он ничего не отвечал и упрямо подтягивал их повыше. Даже сейчас он мучительно стеснялся предстать перед нами... передо мной «не в форме», как деликатно выразился Магнус.

Эмилия шевельнулась:

— Пока мисс «у-меня-большое-сердце-спрятанное-слишком-глубоко-чтобы-его-разглядеть» не вернулась, предлагаю обсудить, как помочь Индрику.

— Как обезвредить Марсия, хочешь сказать?

Подруга решительно кивнула.

— Одно напрямую связано с другим.

— Пока мы сидим здесь — никак, — кисло заметил Магнус.

— Ты не сидишь, — возразила я, — но они об этом не знают. Поэтому сейчас ты наше тайное оружие.

— Но что я могу?

— Зелье... — раздался слабый голос.

Мадам и Эмилия тут же бросились к Озриэлю. Тот попытался подняться на ноги, но они мягко его удержали и усадили обратно.

— Какое зелье?

— То, что ты... использовала...

— Для побега?

— Да...

— А это мысль, — поддержал Магнус, — оно ведь действует против чугуна, верно?

— Оно *растворяет* чугун. Предлагаешь лишить Марсия рук?

Паук выдержал паузу и только потом нехотя сделал отрицательный жест.

— Признаюсь, я так зла на него, что готова оторвать не только руки, но и голову!

— Эмилия!

— Ну, ладно-ладно, я бы никогда этого не сделала, даже будь у меня возможность. К тому же это не поможет Индрику.

Я задумчиво прошлась по камере взад-вперед, заложив руки за спину.

— В нашу первую встречу Марсий наградил одного из своих людей чугунной головой... — Эмилия поежилась, а мадам Гортензия тихонько воскликнула: «Какой ужас!»

— Тогда все закончилось благополучно, — продолжила я, расхаживая и додумывая мысль, — вмешался придворный маг, и пострадавшего удалось излечить.

— Предлагаешь обратиться к магу? — засомневалась мадам. — Не думаю, что он возьмет на себя такую ответственность...

Я резко остановилась и уставилась на нее, ошеломленная пришедшей в голову идеей.

— Марсий притворяется!

— Притворяется, что умеет обращать все в чугун? Ты знаешь, Ливи, обычно я на твоей

стороне, но все мы видели и не раз, как...

— Да нет, — перебила я Магнуса, — он делает вид, что не может исправить последствия сам!

— А он может?

— Уверена, что да.

— С чего ты взяла?

Я щелкнула ногтем по решетке.

— Во время нашей встречи в тронном зале он сотворил буквально из воздуха клетку, — уточнять, что он посадил в нее меня, не стала, — а потом так же легко избавился от нее. Чувствую, он управляется со своим даром лучше, чем хочет показать.

— А после смерти отца дар возрос, — поддержала Эмилия.

— Да, все мы видели незабываемую сцену в Шаказавре, — передернулась мадам и обхватила себя за плечи.

— Но зачем ему это?

Я пожалала плечами:

— Не хочет, чтобы остальные знали, насколько он могуществен. Козырь в рукаве, как и у мадам Лилит. Еще, как вариант, он скрывал это во время учебы в Академии, чтобы лишний раз досадить отцу — тому приходилось всякий раз вызывать мага, чтобы исправить последствия. Поднималась шумиха и прочее.

— Склоняюсь ко второй версии.

Эмилия помолчала и устало потерла лоб.

— Даже если предположение верно, мы возвращаемся в исходную точку: как это поможет Индрику? Не думаю, что можно просто подойти к Марсию и попросить его отозвать чары.

Я вздохнула:

— Пока не знаю. Разве что предложить что-то взамен.

Наступила тишина, потому что все понимали: предложить нам решительно нечего.

— Тот документ, — нарушила молчание мадам. — Что в нем, Ливи? Что такого страшного знает мадам Лилит про Марсия? Ты ведь его прочитала, я по глазам вижу, не отрицай.

— Не отрицаю, прочитала, но... не могу сказать, простите. Это не моя тайна. Как ты Озриэль?

— Со мной все в порядке, кхе-кхе... чуть отдохну и готов бежать марафон...

Мадам Гортензия прошлась по камере, в отчаянии заламывая руки.

— Значит, все, что нам сейчас остается, это сидеть здесь и ждать, пока эта... *тигалица* выполнит свое обещание и отпустит Озриэля, надеясь лишь на ее слово, а потом снова ждать, кто же выйдет победителем из грызни у водополя: она или Марсий. А Жмутс тем временем накладывает свои грязные лапы на мои цветочки, Индрик страдает от бездвижности, золото волос Ливи тускнеет в этом смрадном подвале, а два чудовища наверху обсуждают свои дьявольские планы!

— Не сгущайте краски, мадам. К тому же вы забываете, что сегодня Магнус встретится с мастером Хезарием, и тот наверняка что-нибудь придумает. Даже не сомневайтесь!

Гномка вяло отмахнулась, словно надежда на помощь дракона сама по себе была нелепостью.

— Ливи права, — поддержала Эмилия, — когда ситуация хуже некуда, остается только

одно: не поддаваться унынию.

— Мне несколько раз снился кошмар, — призналась гномка, — всегда один и тот же: как будто Жмутс намеренно поливает мечтирисы подсоленной водой для огуречных примул, и те гибнут у меня на глазах, а я ничего не могу поделать...

Мадам всхлипнула, и Эмилия прижала ее к своей груди. Воздух темницы буквально пропитался отчаянием, поэтому я очень обрадовалась появлению Мадония Лунного. Его мягкие композиции подействовали как глоток освежающего коктейля с лотка Лилофеи из Шебутного переулка. Даже Озриэль на этот раз не ворчал и тихонько покачивался в такт, а когда принц удалился, целый час не кашлял.

— Эмилия, — позвала я шепотом, когда он уснул. — У меня к тебе очень серьезный вопрос, только не вздумай врать, чтобы не расстраивать меня.

— Да, Ливи?

— У меня правда потускнели волосы?

Она тихо рассмеялась в ответ.

* * *

— Пора, — шепнула я, когда на башне пробило десять.

Магнус посмотрел вправо-влево и быстро просеменил через тюремный проход, разделявший наши камеры.

— Да поможет тебе Пряха! — сказала я и протянула ему визитку. — Может, мейстер сообразит, что предложить Марсию в обмен на нашу свободу. Расскажи ему все, что удалось узнать.

Паук взял карточку, сосредоточенно кивнул и полез к окошку, в котором висел кончик месяца.

Мы почти не разговаривали, пока ждали его. Только изредка обменивались утешительными фразами, фальшивыми, как информация о составе продукта на упаковке.

Магнус вернулся около полуночи. Услышав шорох лапок, я подскочила как ужаленная.

— Ну как?

Паук молча устремился вниз. Визитки при нем не было, значит, передал. Эмилия и мадам тоже вскочили и застыли в одинаковых позах: руки сцеплены на груди. Озриэль сел. Магнус обвел нас взглядом и покачал головой:

— Ничего не вышло, Ливи.

В ногах появилась противная слабость, я оперлась о стену и медленно опустилась на солому.

— Что ты хочешь сказать? Ты его не видел? Не говорил с ним?

— Видел и говорил. Сделал все, как ты сказала: передал карточку через коридорного, и меня тут же пригласили наверх.

— Мейстер был нелюбезен? Он это может, я предупреждала.

— Напротив — была сама предупредительность, даже позвонил вниз и велел принести площадку москитов с перцем для «особого гостя», потом попросил рассказать о цели визита, подробно, не упуская ни единой мелочи. Ну, я и рассказал — абсолютно все: и про то, почему нас здесь держат, и про готовящийся переворот... даже про грифона!

— А он что? — не выдержала я.

— Внимательно выслушал, да и только. Мне показалось, его не слишком интересуют дела «других волшебных народов».

Вот это уже больше походило на правду. Драконы ведь держатся особнячком и не любят вмешиваться в дела королевств. Но я почему-то думала, что для меня мейстер Хезарий сделает исключение. Наверное, до таких пределов его готовность участвовать в моей судьбе не распространялась. Боже, о чем я только думала! Надеялась на помощь дракона, который даже собственному сыну не собирался помогать с одним из важнейших этапов жизни! Причем делал это не из жестокосердия, а из твердого убеждения, что тот должен научиться добиваться всего самостоятельно, в одиночку справляться с трудностями.

— Он сам тебе это сообщил?

— Почти.

— Но что он сказал в конце? — спросила Эмилия.

— Ничего.

— Совсем-совсем ничего? — изумилась мадам.

— Не совсем: любезно поблагодарил меня за визит и пожелал спокойной ночи.

— То есть отказал?

— Не напрямую, но как еще это понимать?

— Спокойной ночи?! — не поверила ушам я. — И не добавил напоследок, что постарается что-нибудь придумать, не упомянул о том, что навестит мадам Лилит и выбьет из нее всю злокозненность заодно с чистосердечным признанием, а потом отшлепает Марсия или что-нибудь в этом духе?

Магнус помотал головой. Я поражено молчала, уставившись на свои дрожащие пальцы, не в силах поднять глаза на друзей и сгорая от чувства вины. Я дала им ложную надежду, убедил *довериться*, погнаться вместе со мной за бумажным змеем... и вот результат. Все обернулось пшиком, змей развеялся по ветру бесполезным конфетти.

Последовала пауза, которую прервал бодрый голос Эмили:

— Магнус ничего нового не сказал. Мы ведь примерно этого и ждали, верно?

— Если спросите меня, попытаться стоило, но и я не возлагала надежд, — добавила мадам.

— Драконы — темные лошадки, — прокашлял Озриэль.

— Тарелки бьются к счастью, — философски заметила Уинни.

— Жаль только старину Магнуса — зря проделал такой путь.

— Я не жалею, — возразил паук, — и не назвал бы вылазку бесполезной: давно уже не ел таких отменных москитов.

Все рассмеялись. Я подняла голову и вместо обвинения встретила сочувствующие взгляды и ободряющие улыбки. И это их я собиралась поддерживать и утешать? Я тут единственная, кто расклеился и нуждается в водонепроницаемом плече.

— Спасибо, — сказала я, промокнув глаза краешком подола. — Просто спасибо.

К этому ничего не было добавлено, но друзья и так поняли.

ПРО ОБОЛОЧКИ И ВНУТРЕННЕЕ СОДЕРЖАНИЕ

Ночью я почти не сомкнула глаз, прислушиваясь к прерывистому дыханию, наполненному свистом и клокотанием. Каждый вдох давался Озриэлю с трудом. Мы договорились дежурить при нем по очереди, но я все равно не могла спать, пока он так страдал. Заступившая рано утром на вахту Эмилия уговорила меня немного вздремнуть.

— Правда, Ливи, изводя себя, ты никак ему не поможешь. При малейшем изменении я тотчас тебя разбужу.

Мне казалось, я всего лишь моргнула, но, когда открыла глаза, в окошко над головой пробивались яркие лучи солнца.

— Который час? — прохрипела я спросонья, растирая глаза и вглядываясь в камеру напротив.

— Очевидно, время завтрака. — Мадам кивнула в сторону лестницы.

Только тогда я сообразила, что разбудило меня громыхание ключей стражника.

— Как Озриэль?

— Мне... лучше.

Голос был лишь чуть громче шепота. Я вскочила на ноги, попутно расправляя мятый подол и вынимая солому из волос, и, как только стражник показался в пределах видимости, произнесла:

— Требую немедленной встречи с первым советником! Передайте, что, если она откажется принять меня, я разболтаю всем и каждому, что...

— Вас просят наверх, — прервал тот и открыл клетку.

Все еще плохо соображая спросонья, я несколько раз моргнула, переступила порог камеры и обернулась на гору одеял:

— Скоро вернусь, держись, Озриэль. Я буду не я, если сегодня же не вытрясу из нее твою оболочку.

Стражник привел меня к кабинету мадам Лилит и постучал, но сам заходить не стал. Первое, что бросилось в глаза внутри, — сундуки. Они заполнили все свободное пространство, превратив его в несвободное: выстроились вдоль стен, громоздились на ковре в центре комнаты, на подоконнике, стульях, шкафу и даже на рабочем столе поверх бумаг. Я едва не подпрыгнула, когда из-за ближайшего сундука вышла мадам Лилит. Лицо первого советника осунулось, и я не без удовольствия отметила, что напряжение последних дней и на ней сказалось не лучшим образом.

— Оливия, ты пришла.

— Так обычно и поступают заключенные, за которыми являются стражники.

Она даже не поморщилась на колкость и отвернулась к зеркалу у стены, из него доносилась возня. Секунду спустя оттуда вышел Орест и плюхнул на ковер два внушительных сундука, в которые без труда уместились бы мы обе.

— Вот, последние.

Он постоял так какое-то время, потирая спину, и выпрямился. Я поперхнулась от изумления.

— Вы?!

— Ты, — утвердительно произнесла бабушка Остиопатра.

— Вижу представлять вас не нужно, — кисло заметила первый советник. — Признайся, Ливи, ты это подстроила. Я тебя все-таки недооценила, — задумчиво пробормотала она.

— Подстроила что? — не поняла я.

— Первый советник хочет сказать, что не ожидала увидеть здесь меня вместо внука.

— Я тоже сперва приняла вас за Ореста.

— На это и было рассчитано, — кивнула пожилая ифритка и потянулась к поясу, на котором висела резная трубка из ясеня.

— Только не здесь, — поморщилась мадам Лилит.

Не обращая на нее ни малейшего внимания, госпожа Остриопатра сунула мундштук в рот и блаженно затянулась.

— Самоприкуруивающаяся, — пояснила она, поймав мой взгляд, и деловито вернула трубку на пояс. Потом повернулась к мадам Лилит:

— Итак, здесь все, о чем договаривались, можешь проверить.

Первый советник вновь поморщилась — на этот раз от фамильярности.

— Непременно. — Она приблизилась к двум последним сундукам и откинула крышки. Внутри на красной бархатной подкладке поблескивали ряды полупрозрачных чешуек — гляделок. Мадам Лилит легко пробежала по ним кончиками пальцев и удовлетворенно кивнула. — Ровно одиннадцать тысяч восемьсот семнадцать пар.

— Представь себе, некоторые умеют играть по правилам.

— Вы о тех «некоторых», что вылезают из зеркал вместо своих внуков? — уточнила мадам Лилит, поднимаясь.

— Я о тех, кто сотрут амбициозных нахалок до состояния эктоплазмы, если моему внуку не будет тотчас передана оболочка.

Две женщины (вернее, одна пожилая ифритка, выдавшая себя за внука, и расчетливая интриганка с личиком и телом двенадцатилетней девочки) остановились друг напротив друга и обменялись оценивающими взглядами. Первой разомкнула губы мадам Лилит.

— Не нужно угроз. Я не монстр, что бы вы там себе ни воображали.

Она сделала небрежно-дозволяющий жест в мою сторону.

Бабушка Остиопатра подошла ко мне и протянула перевязанный бечевкой сверток. Когда она повернулась спиной к первому советнику, вся напускная бравада исчезла, ифритка вмиг постарела до своих ста пятнадцати лет.

— Как мой мальчик, Оливия? — с тревогой спросила она. — Как Оззи?

Я прижала сверток к груди и сглотнула:

— Вы появились очень вовремя. Здесь то, что я думаю?

— Новая оболочка. А еще, — она вынула из-за пояса и протянула мне каплевидный флакон синего стекла, — пусть выпьет это, так ожоги быстрее затянутся.

Пристроив его поверх свертка, я заставила себя посмотреть бабушке Озриэля прямо в глаза.

— Госпожа Остиопатра, я должна принести свои извинения — вам и всей вашей семье. Если бы не я, жизнь Озриэля не оказалась бы в опасности.

Все это я выпалила на одном дыхании и не опустила глаза, хотя казалось, что к каждой реснице привязали по гирьке.

Ифритка ответила после паузы.

— Ты права, если бы не ты, ничего этого не случилось бы, и Оззи сейчас был бы рядом, с разбитым сердцем, зато живой и здоровый.

— Могу лишь повторить, что мне очень-очень...

Она жестом остановила меня.

— Но еще могу сказать: если бы мой внук не сделал того, что сделал, — не постарался всеми силами помочь любимой девушке — я бы его стыдилась. Он рискнул жизнью ради тебя, Оливия, а жизнь чего-то да стоит, и если жертвовать ею, то только во имя любви. Теперь я вижу, что он действительно тебя любит, девочка: искренне, глубоко и самоотверженно. И если кто-то и должен просить прощения, так это я — за слепоту. Как видишь, можно прожить сотню лет — неважно, на земле, под нею, в воздухе или в воде — и совершать те же ошибки, что и в восемнадцать.

— Вы еще долго? — каркнула мадам Лилит, не поднимая головы от бумаг, которые якобы перебирала, но я чувствовала, что все ее внимание сосредоточено на нас, а эта расслабленность — лишь для вида.

На лице ифритки промелькнуло раздражение, но тотчас изгладилось, когда она продолжила:

— Я считала тебя неподходящей партией для Озриэля, еще когда принимала за простую цветочницу, и не слишком изменила мнение, узнав, что ты дочь Бессердечного Короля, поэтому не стану притворяться, что одобряю выбор внука, — она накрыла мою руку своей, испещренной веревками вен, — но я его принимаю. Придется смириться с тем, что не увижу рядом с ним простую скромную ифритку королевских кровей. Похоже, в тебе действительно что-то есть, раз Оззи так рисковал. В мире нет ничего более твердого и вместе с тем более хрупкого, чем сердце. Свое он вручил тебе, береги его, Оливия. — Она напоследок сжала мои пальцы и подмигнула. — Кстати, в свертке есть кое-что и для тебя.

В этот момент терпение мадам Лилит иссякло, о чем она не преминула сообщить. Ифритка отвернулась, подошла к столу и уперлась в него кулаками, буквально нависая над первым советником.

— Предупреждаю: плохая память — не лучший союзник. Не советую забывать про вторую часть уговора.

Мадам Лилит холодно посмотрела на нее.

— Я никогда не забываю про заключенные сделки...

Правильно, вы их просто нарушаете.

— ...но раз вы затронули эту тему, тоже воспользуюсь случаем и напомним: если, начиная с завтрашнего дня, хоть один ифрит появится на территории Затерянного королевства...

— Не появится, — перебила госпожа Остиопатра, — я ручаюсь и лично за этим прослежу, как и за переводом моего внука в другую Академию.

Первый советник иронически улыбнулась и вернулась к бумагам, не посчитав нужным даже попрощаться.

Через минуту только гора сундуков и пергаментный свертки указывали на то, что давешняя сцена мне не привиделась. Когда звук шагов в зеркале стих, мадам Лилит перестала притворяться, что изучает документы, резким взмахом запечатала зеркало и пробормотала сквозь зубы что-то про «скользких экономных ифритов». Потом откинулась на спинку кресла и одарила меня не слишком приветливым взглядом.

— Ну что, довольна?

— Счастлива, — подтвердила я, — но вы не имеете к этому никакого отношения. Если бы не госпожа Остиопатра, вы бы без малейшего зазрения совести обрели Озриэля на

мучительную смерть.

— Осторожнее, Ливи, — вкрадчиво сказала она, подаваясь вперед, — я все еще могу это сделать.

Я хотела возразить, что ее угроза мало согласуется с обещанием, данным ифритке, и вряд ли мадам Лилит захочет навлечь на себя ее гнев, но рассудила, что не стоит испытывать судьбу, и промолчала. Спассти Озриэля намного важнее сиюминутного желания щелкнуть первого советника по носу. Поэтому я просто спросила:

— Вы сегодня отпустите его?

— Такого уговора не было, — отрезала она. — Бабулю я сразу предупредила: пусть бушует, сколько влезет, но он получит свободу не раньше, чем закончится праздник. Мне не нужны сюрпризы от кучки студентов, которые могут поставить под угрозу дело моей жизни. Еще в свой первый день в Академии, снимая гигантского слизняка с люстры в обеденном зале, я усвоила раз и навсегда: никогда не знаешь, что взбредет вам в голову.

По челу первого советника скользнула тень неудовольствия, к которой было примешано что-то еще. В этом «чем-то еще» я не без труда узнала неуверенность — эмоцию, столь редко посещающую ее, а потому со скрежетом поддающуюся опознанию. Я поняла, что госпожа Остиопатра одна из тех немногих, кто заставляет мадам Лилит чувствовать себя неудобно, и это ей чертовски не нравится.

— Значит, после праздника, когда все ваши аппетиты будут удовлетворены, Озриэля отпустят?

— Да, — нехотя признала мадам Лилит, но упоминание о грядущем повышении из первого советника в королевы явно улучшило ее настроение. — Правда о твоём освобождении речи не шло, — сладко добавила она, поерзала в кресле и сложила ручки под грудью. Заметив, как я нервно покосилась на песочные часы, великодушно махнула рукой. — Можешь идти. Будет печально, если ифрит рассыплется, так и не дождавшись запасной шкуры.

Я не стала задерживаться, чтобы придумать колкость в ответ, и поспешила к двери.

— Ах да, Ливи, чуть не забыла за всеми этими хлопотами. Оно пришло сегодня утром. — Первый советник зашарил по столу в притворном смятении, приговаривая: — Где-то здесь... я точно помню, что положила сюда. Нет, должно быть все-таки автоматически переложила к остальной корреспонденции. Ах, да вот же оно!

Естественно, нужный конверт лежал на самом виду.

— Мне очень жаль, — сказала мадам Лилит, протягивая его и даже не пытаясь скрыть злорадство.

Я взяла распечатанное письмо, пробежала его глазами и спокойно вернула:

— Мне тоже.

Даже мелькнувшее в ее глазах разочарование не послужило утешением, но я не доставлю ей такого удовольствия, не выдам своего отчаяния.

Покрепче прижав сверток к груди, я вышла за дверь. Обратнo возвращалась почти бегом, подгоняя стражника — отчасти, чтобы Озриэлю не пришлось мучиться ни одной лишней секунды, отчасти, чтобы не думать о содержимом письма. В нем господин Мартинчик сообщал, что, к его глубочайшему сожалению, их опередили. Последний экземпляр магических щипцов был днем ранее выкуплен коллекционером, пожелавшим остаться неизвестным, поэтому он ничем не может помочь.

В КОТОРОЙ МНОГО ПЛАЧУТ, СМЕЮТСЯ И МЕРЦАЮТ

У спуска в темницу нас перехватил Эол Свирепый, сообщив, что дальше поведет меня сам. Стражник спорить не стал: испуганно икнул, глядя на гору мышц снизу вверх, и послушно испарился.

Обычно друзья негромко переговаривались, но на этот раз голосов не было слышно. Почему они молчат? Тут послышался звук, похожий на всхлип, и снова все стихло. Я замерла, пронзенная ужасным подозрением, а потом побежала вниз, оступаясь и поскальзываясь на лестнице. Раз или два прищемила подол и услышала треск разрываемой ткани, но не остановилась, торопясь дальше. Сердце громко колотилось и чуть не выпрыгивало из груди при мысли о том, что я могла опоздать.

— Ливи! — закричала бледная как полотно Эмилия.

Я ринулась по проходу, дергая непослушными пальцами бечевку на свертке. Из-за сильной дрожи они все время соскальзывали. Хотела спросить, как Озриэль, но губы не слушались.

Тишина! Почему такая страшная тишина?

Она растянулась на целую вечность, в течение которой я слышала лишь свое захлебывающееся дыхание и гулкие удары подошв о каменный пол. Наконец я остановилась напротив камеры, не в силах пошевелиться, и сердце пропустило удар. Опоздала. А потом от горы одеял раздался хриплый вздох, и я судорожно прижала ладонь ко рту. Жив!

— Ему гораздо хуже, Ливи, — взволнованно сказала Эмилия.

Я быстро сунула свертки мадам Гортензии.

— Скорее, оболочка внутри.

Гномка в два счета справилась с тесемками и принялась разворачивать пергамент — ей активно помогал Магнус. Я обернулась к великану.

— Пожалуйста, откройте камеру! Позвольте быть сейчас с ним, всего на пару минут, прошу!

Во рту появился соленый привкус, платье на груди все вымокло, и только тогда я поняла, что слезы градом катятся по щекам.

Эол Свирепый молча отодвинул меня, одним точно выверенным движением открыл замок и отступил на шаг.

— Спасибо!

Друзья уже достали оболочку. Она чем-то напоминала маскарадный костюм, но при этом совсем не походила на снятую кожу. Тихо мерцая в полутьме темницы, она виделась нечетко, контуры расплывались, как будто оболочка еще не определилась с окончательной формой. Гномка встряхнула ее, как рубаху после стирки, и указала подбородком на одеяла:

— Уберите их.

Мы с Эмилией бросились высвобождать Озриэля из вороха, скидывая покрывала прямо на пол, но когда я потянулась, чтобы приподнять последнее, раздался стон и хриплое:

— Нет... сам...

— Озриэль, ты слишком слаб, а сейчас каждая секунда на счету.

— Сам... — упрямо повторил он.

— Надо придумать новую поговорку: «упрямый, как ифрит», — проворчал Магнус.

Я закусила губу, но спорить не стала и аккуратно просунула оболочку под одеяло. Озриэль забрал ее и принялся возиться, кряхтя и сдерживая болезненные стоны. От каждого я дергалась и крепче сжимала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Временами он останавливался, чтобы перевести дух.

Мы окружили постель: Эмилия сцепила пальцы в замок, мадам Гортензия прижала сложенные лодочкой ладони к губам, Магнус нервно переступал с лапки на лапку, а я беспрестанно теребила рукав.

— Дайте ему воздуха, — раздался за нашими спинами голос Уинни. — Задушите его своей тревогой.

— Она права. — Я сделала шаг назад, остальные последовали примеру.

В этот момент Озриэль перестал возиться.

— Что такое? — вскинулась я и собралась, несмотря на запрет, отбросить одеяло, но тут оно само отлетело к противоположной стене, и мы зажмурились, потому что смотреть на такое сияние привыкшими к полутьме глазами было невыносимо.

Озриэль медленно, осторожно поднялся на ноги. Он значительно уменьшился в росте, хотя все еще был гораздо выше, чем раньше, и держался неуверенно, словно стоял, согнувшись в три погибели, а не выпрямив плечи. Наверное, прилаживание оболочки еще не закончилось, и он боялся порвать ее неосторожным движением. Ифрит вышел на середину камеры, запрокинул голову, широко распростер руки и прикрыл глаза.

Мы проводили его замороженными взглядами. Он был похож на себя прежнего, если не считать исходившего от тела сияния и размытых контуров. Они подрагивали и расплывались, но с каждой секундой становились все более четкими, приближаясь к телу. Вокруг парила и вихрилась искрящаяся взвесь, постепенно оседая на его кожу, вплавляясь в нее. Отблеск зеленоватого свечения падал на лица Эмилии и мадам, плясал в медной бороде Эола Свирепого, замершего на пороге. Через несколько минут все закончилось, и сияние погасло. Озриэль коротко выдохнул, открыл глаза и обвел нас взглядом, остановив его на мне. На губах заиграла робкая улыбка.

— Только мне показалось, что наш ифрит похож на фею? — осведомился Магнус в наступившей тишине.

Я прочистила горло:

— Все?

— Все, — смущенно подтвердил Озриэль.

Я с радостным воплем подбежала и запрыгнула на него, обвив руками и ногами, тесно прижалась и зажмурилась от счастья. Он так же крепко стиснул меня в объятиях, и на несколько сладостных мгновений остальной мир перестал существовать: в животе порхали бабочки, я слышала только биение наших сердец, мое торопливое и его с замираниями. Озриэль осторожно гладил меня по голове и шептал какие-то нежности на смеси нашего языка и ифритского, зарывшись в волосы. А еще слегка убаюкивал, потому что я всхлипывала, плача и смеясь одновременно.

Наконец я чуть отстранилась и взглянула ему в глаза, провела ладонью по лицу, локонам. Он тоже смотрел на меня — так, словно видел впервые, тем восторженным взглядом, каким только влюбленные умеют смотреть. Нежно провел согнутым пальцем по щеке, снимая слезинку, обрисовал скулу, провел по губам, отчего они тут же стали горячими, и хрипло сказал:

— Ты такая красивая, Ливи, самая красивая на свете.

Я шмыгнула и рассмеялась, вытирая тыльной стороной ладони нос.

— Неправда, я вся зареванная.

— Самая красивая, — повторил он, не отрывая взгляда от моих губ, — как бы я хотел сейчас тебя поцеловать.

— А я — тебя, просто до смерти хотела бы...

— А после этого...

— Я тоже об этом подумала!

— Мы вам не мешаем? — кашлянул Магнус. — А то можем попроситься пока на чай к мадам Лилит. Жарковато тут стало.

Я обернулась и увидела, что рты друзей растянуты в улыбках до ушей. Даже Эолу Свирепому не удалось сохранить безразличное выражение. Мадам и Эмилия стояли, обнявшись и синхронно промокая глаза подолами. Магнус, несмотря на саркастический тон, часто-часто моргал, и бусины глаз подозрительно блестели.

— Не обращайтесь внимания, соринка в глаз попала...

— Во все четыре пары? — уточнила Уинни.

Паук не удостоил ее ответом.

Я снова повернулась к Озриэлю, всей душой стремясь растянуть это мгновение, и уткнулась носом ему в плечо.

— От тебя так вкусно пахнет.

Сказала и тут же засмушалась, но это была правда: от него веяло свежестью, а еще чуточку теплым молоком — так пахнет от малышей — и чем-то цветочным.

— Новая оболочка, с ними всегда так, — пояснил он.

— Дай нам тоже его обнять! — возмутилась мадам Гортензия, и они с Эмилией, раскрыв объятия, кинулись к нам. Магнус прыгнул сверху.

Началась куча-мала, со всех сторон неслись возгласы, смех, ифрита поздравляли с выздоровлением, хлопали по плечу, целовали в обе щеки (ох, как я завидовала мадам Гортензии и Эмилией в этот момент!).

— Не давите на него, — покрикивал Магнус. — Парень еле-еле выкарабкался не для того, чтобы его тут же задушили.

— Иди сюда, ворчун! — рассмеялась Эмилия и сдернула его за лапку вниз, приобщив к коллективным объятиям.

Внезапно я заметила, что Озриэль морщится.

— Что? Что случилось? — забеспокоилась я. — Только не говори, что новая оболочка не подошла и сейчас лопнет прямо на тебе!

Он хохотнул и тут же подавил гримасу боли.

— Не волнуйся, с ней все в порядке, просто пока не привык. Это из-за ожогов. Они остались под ней... Больно, — признался он. — Очень.

— Ой, — сказала Эмилия и осторожно убрала руки, боясь причинить лишнее страдание.

— Что же ты раньше не сказал! Нет, это я виновата, совсем забыла. — Порывшись в кармане, я выудила каплевидный флакон и протянула ему. — Вот, пей, это поможет.

Надо отдать ему должное, Озриэль сперва послушно выпил, а потом спросил, что было внутри. Из него получится отличный муж.

— Лекарство от госпожи Остиопатры.

Он изумленно уставился на меня, но спросить ничего не успел: зелье приступило к работе. Под кожей начали поочередно загораться синие искристые веточки. Озриэль вытянул

кулак, наблюдая, как они вспыхивают и гаснут, поднимаясь от кончиков пальцев. Зелье бежало по жилам и каждой клеточке тела, заживляя, сращивая, успокаивая. Когда оно добралось до сердца, все тело на миг вспыхнуло синей паутиной и снова стало прежним.

Озриэль издал стон облегчения.

— Так гораздо лучше! Так ба была здесь?

— Не просто была, она-то и передала оболочку.

— Давай с самого начала, — попросила Эмилия и удобно устроилась на соломе, приготовившись слушать.

Удовлетворить ее просьбу немедленно не получилось: Эол Свирепый, справедливо рассудив, что опасность миновала, указал на выход.

— В свою камеру, принцесса.

— Да-да, сейчас. — Я повернулась к Озриэлю, заправила ему локон за ухо и вложила во взгляд всю нежность и безумную радость, которые меня сейчас переполняли.

Он прижал мою руку к щеке, отчего утомившиеся было бабочки снова затрепетали в животе.

Проходя мимо великана, я остановилась и подняла голову.

— Спасибо.

Он встретил это каменным лицом — маневр, который отныне не мог меня обмануть. Правда «спасибо» от мадам он не смог проигнорировать так же стойко: лицо пошло пятнами. Казалось, еще чуть-чуть, и он бухнется перед ней на колени, как перед мадам Лилит возле фонтана, и принесет присягу верности. Великан таки сдержался.

Когда он ушел, я рассказала друзьям все по порядку.

— То есть бабушка Озриэля устроила мадам Лилит сюрприз, явившись вместо Ореста? — переспросила Эмилия. — Я все правильно поняла?

— Ага, а та не сразу распознала подмену и не успела принять меры. Не знаю, на какие точки нажала госпожа Остиопатра, но мадам Лилит выглядела не слишком-то счастливой.

— Знаете, я уже хочу познакомиться с этой леди! — заявила мадам и встряхнула кудряшками.

— Надеюсь, ба на тебя не кричала или вроде того? — нервно спросил Озриэль.

— Ничуть не бывало, — успокоила я. — Скажу больше: кажется, мы с ней нашли общий язык.

— Эй, народ, — позвал Магнус, осторожно отгибая края свертка — кажется, тут что-то еще шебуршится...

Только тогда я вспомнила последние слова ифритки — о том, что внутри есть кое-что и для меня.

— Не трогай, Магнус! — воскликнула я и вскочила на ноги. — Это может быть...

Последний краешек отогнулся сам собой, оттуда вылетел красно-золотой вихрь, подхватил опешившего паука и поднял к потолку.

— ...опасно, — докончила я, глядя на Магнуса, растерянно бегающего по бархатной подушке и, не удержавшись, расхохоталась.

— Не вижу ничего смешного, Оливия, — сердито заметил паук. — Кто-нибудь, снимите меня отсюда.

— Прости, — повинилась я и бросила на Озриэля вопросительный взгляд.

Ифрит сидел с раскрытым от удивления ртом. Опомившись, приказал:

— Вниз!

Подушка повиновалась так резво, что Магнус заверещал, вцепившись в нее всеми лапками. Но приземление вышло мягким. Едва она коснулась пола, паук спрыгнул и поспешил прочь. Озриэль подошел, нагнулся и поднял подушку.

— Это еще что? — спросила Уинни, приблизившись к прутьям и с интересом вглядываясь в диковинку.

— Волшебная подушка Озриэля, — пояснила я. — Ему подарила бабушка.

— Нет, — неожиданно возразил ифрит и повернул ее боком. — Это твоя подушка, Ливи. На алом бархате вилось мое имя, вышитое золотыми нитками и украшенное переливающимися вензелями и завитушками.

— Что это значит? — удивилась я.

Озриэль ответил не менее ошарашенным, но счастливым взглядом.

— От бабушки это все равно что: «Добро пожаловать в семью!» А еще это значит, что я свободен от магического обета не жениться на принцессе.

Я застыла, потрясенная.

Внезапно в конце тюремного прохода раздался шорох, и любезный голос произнес:

— Не хочу прерывать вашу милую семейную сцену, но у меня еще полно работы, а дело не ждет.

Мы одновременно повернули головы в ту сторону. В темноте зажегся красный огонек.

ПРО ВЕЩИ, КОТОРЫЕ НУЖНО СДЕЛАТЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ ВЕСЬ ОСТАЛЬНОЙ МИР ПРОТИВ

В кабинет вошла коробка, из-под которой торчали ноги Хоррибла. Слуга водрузил ее прямо поверх писем и документов, лучась от довольства.

— Вот, ваш заказ.

Якул удивленно воззрился на надпись на упаковке.

— Я заказывал чайный сервиз?

— Нет, там то, о чем вы просили. — Слуга приподнял крышку и бережно развернул упаковку. Якул вскинул глаза.

— Ты издеваешься?

— Вы сами хотели что-нибудь простое и надежное. Это отвечает обоим условиям. К тому же вещь проверенная, издревле используется в делах магического слежения.

По мнению Якула, тарелка с аляповатым ободком в виде вишенки никак не подпадала под определение надежной в таких делах, вот простой — да. Поставь такую в буфет — не отличишь от остальной посуды.

Он постучал по днищу из дешевого фарфора.

— Не похожа она на древнюю...

Слуга сделал движение вперед, словно готовясь подхватить драгоценные осколки, буде такие посыплются.

— Способ издревле используется, а сама тарелка новая. Вы лучше того, поаккуратнее, хозяин. Они недорогие, но на доставку новой уйдет время.

— И как ею пользоваться?

Слуга порылся в коробке и протянул румяное яблоко. Когда Якул не шелохнулся, пожал плечами и сам аккуратно поместил плод на тарелку.

— Поверьте, это лучшее средство из всех доступных. Вы еще оцените удобство. Только имейте в виду: тарелка одноразовая.

— Что значит «одноразовая»?

— Вы можете выбрать место и посмотреть только один раз.

— А потом что, она взорвется у меня в руках?

— Погаснет. И, если захотите посмотреть на что-то еще, придется заказывать продление. Они специально так делают: подсаживают клиентов на дополнительные услуги. Еще и яблоко со специальным покрытием, любое садовое тут не подойдет.

— Ладно, — Якул взял яблоко, — спасибо, Хоррибл.

Слуга нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Да, и еще там стоит защита.

— Какая защита?

Слуга помялся.

— От нескромного вторжения в частную жизнь. Производители заботятся о своей репутации.

— Хоррибл, ты можешь говорить яснее?

— Ну, в общем, если вы приобрели ее для всяких срамных дел, вроде подглядывания за купающимися нимфами, то ничего не выйдет (если что, хозяин, не думаю, что вы купили

тарелку с такой целью, но мой долг был предупредить).

Якул на миг прикрыл глаза и едва слышно произнес:

— Ступай, Хоррибл.

— Слушаюсь.

Лишь выйдя в коридор, Хоррибл позволил себе покачать головой. Ох уж этот хозяин! Все ему нейдет узнать, как там госпожа Грациана. Вон что удумал.

И, как ни печально, совсем не скучает по принцессе. Ждет ее возвращения только из-за ритуала.

А вот Хоррибл скучает.

Без принцессы чаепития утратили прежнюю прелесть. Даже песочные колечки с арахисом и трехслойным джемом не в силах его утешить...

* * *

Оставшись один, Якул покатавал яблоко меж ладонями, чувствуя себя очень глупо, а потом кинул его на тарелку и произнес.

— Покажи мне дочь Бессердечного Короля.

Яблоко закружило по тарелке, и по мере того как оно продвигалось от центра к краю, прорисовывалось изображение. Оно стелилось цветной дорожкой, пока не заполнило всю поверхность. Сперва все было темным, толком ничего не различишь, затем фокус выхватил край платья и золотистые локоны. Единожды такие увидев, дотронувшись до них, больше ни с какими не спутаешь. Ладонь зачесалась, вспомнив какие они гладкие на ощупь.

Якул подался вперед, вцепившись в подлокотники.

Еще немного подергавшись, картинка наконец настроилась. Более того, даже звук появился, хотя в нем не было необходимости. Представшая сцена не нуждалась в пояснениях.

Какая-то темная комната, а в центре — принцесса и ифрит. Они стояли в окружении друзей и, кажется, целовались, а те ликовали и разве что не аплодировали.

Якул одним ударом сшиб блюдо со стола, вскочил и начал расхаживать туда-сюда.

Драконий Боже, может, им еще на подмостках с этим номером выступить?!

Услышав жалобный хруст, он опустил глаза и увидел на полу раздавленное яблоко. Из разлома поднималась мерцающая дымка.

Хоррибл его убьет.

* * *

Из темноты тюремного прохода вышел Глюттон Медоречивый. Протез горел кроваво-алым.

Эмилия вскрикнула, Магнус вытаращился, а я от неожиданности прикусила язык. Так и зайкой недолго стать.

— Что вы здесь делаете? — опомнилась я.

— И как давно вы здесь? — нахмурилась мадам.

— И зачем?

— Это пигалица прислала его шпионить!

Принц вскинул руку, предупреждая дальнейшие расспросы.

— Я здесь, потому что до Его Величества дошли слухи о нездоровье одного из арестантов. — Он бросил выразительный взгляд в сторону Уинни, от которого она позеленела, и перевел его на Озриэля. — Как вижу, они сильно преувеличены. Счастлив буду доложить, что все вы в добром здравии. — Принц остановился напротив моей камеры, спиной к остальным. — А еще у меня к вам дело, любезная Оливия.

Я поморщилась.

— Вот только без этого, пожалуйста. Не была я любезной, когда ваши големы тащили меня сюда. Хватит с меня лицемерия мадам Лилит. А Марсию следовало проявить заботу чуть раньше, когда Озриэль заживо сгорал.

Посетитель лишь пожал плечами, пододвинул непонятно откуда взявшийся стул и сел, отставив руку с тросточкой.

— Как пожелаете. Перейду сразу к сути, признаться, мне так тоже проще. Итак, завтра, как вы знаете, состоится праздник в честь нового короля. В районе полудня во время произнесения официальной речи жителям Потерии и гостям столицы будет предъявлена хрустальная жаба с...

— ...со свитком, который я украла для мадам Лилит в Академии, — раздраженно перебила я, — а в придачу они получают гляделки и самую лживую и жадную до власти королеву с непомерными амбициями. Не говорите мне того, что я и так знаю. Зачем вам я?

Глюттон Медоречивый усмехнулся и сложил руки на набалдашнике трости в форме головы шакала.

— Зрите в корень. Вы должны поклясться, что именно этот свиток вы взяли из святой святых Затерянного королевства — хранилища Академии. Так все будут уверены, что он не подделка. Разумеется, вы его не крали, а случайно обнаружили, еще когда посещали Принсфорд вольнослушательницей, и, как честная гражданка, не смогли скрыть страшную правду от остальных.

— И жителям хватит моего слова?

— Разумеется, нет. Вы принесете магическую клятву: солгать, произнося ее, невозможно. Вот тогда все поверят в вашу честность. Главное, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что это тот самый свиток.

— А ваша магическая клятва — удобная штука, — вмешалась Уинни. — Пиши, что хошь, другой поклянется, и дело в шляпе.

Глюттон Медоречивый ответил, не поворачивая головы и продолжая удерживать мой взгляд.

— Повторяю: солгать, произнося клятву, невозможно. Сказать неправду, искренне веря в нее (на тот случай, если вас ввели в заблуждение) — тоже.

Я сложила руки на груди.

— Какая мне здесь выгода? Постойте... вы назвали меня честной гражданкой?

Тонкие губы принца растянула понимающая улыбка. Он наклонился вперед, вплотную придвинув свое лицо к моему.

— Именно. Это и есть ответ на вопрос. — Я молча поджала губы. — Если ты ее произнесешь, — он облизнул губы — надо же, быстро забыл свои куртуазные манеры, — то получишь официальное гражданство. Сможешь уезжать и приезжать в Затерянное королевство, когда вздумается. Плюс, разумеется, тебя и твоих друзей освободят из темницы и снимут все обвинения.

— Освободят? — Я забыла о демонстративной позе, неверяще уставившись на него. —

Это мадам Лилит так сказала?

— Не верь ему! — сердито сказал Озриэль.

— Они с первым советником — с одного куста, — поддержала мадам.

— Мы не попадем дважды в эту мухоловку, — добавил Магнус.

Принц проигнорировал выпады, давая понять, что ждет вердикта именно от меня.

— Они правы. Зачем мне вам верить?

— Потому что я не лгу, Оливия.

Он пошарил в кармане мантии и извлек маленькую коробочку, покрытую узорами черного серебра и россыпью аметистов, и щелкнул крышкой. Внутри лежала красная пилюля, похожая на стеклянную. В глубине ее, если приглядеться, мерцал клубящийся дым.

Принц внятно произнес:

— Я, Глуттон Медоречивый, клянусь, что принцесса Оливия получит свободу и официальное гражданство Затерянного королевства, если завтра поклянется в подлинности свитка, вынесенного ею из Академии. Свобода будет также дарована ее друзьям.

— И Озриэлю гражданство, — быстро добавила я.

— Да будет так, — провозгласил принц, одним движением закинул пилюлю в рот, перекатил на языке, словно решаясь на что-то крайне неприятное, проглотил и громко рыгнул.

— Прошу прощения, побочный эффект.

Никто уже не слышал извинений, потому что в следующую секунду из его ушей, носа, рта и даже глаз повалил красный дым, растекаясь в воздухе узорами, складываясь причудливыми кольцами. Казалось, внутри принца танцевал газообразный осьминог. Глаза Глуттона Медоречивого закатились, он откинулся на спинку и несколько раз дернулся. Вскоре дым начал покидать тело. Он сгустился перед моим носом красным облаком и принял форму надписи на незнакомом языке.

— О, тут написано на латыри! — послышался шепот мадам. — Означает что-то вроде «принято».

Повисев так немного, надпись начала бледнеть и рассеиваться, пока не исчезла бесследно, оставив нас молчаливыми и ошеломленными.

Глуттон Медоречивый как ни в чем не бывало выпрямился, разгладил мантию и промокнул губы батистовым платочком с монограммой.

— Вы только что дали магическую клятву? — спросила я, хотя ответ и так был очевиден.

— Да. Теперь можешь не сомневаться, что я сдержу слово.

— А что произошло бы, если бы вы солгали?

— Меня бы разорвало на части, — беспечно отозвался он, спрятал коробочку и поднялся. — Так мы договорились, Оливия?

— Не смей, Ливи! — крикнул Озриэль и с отчаянием потряс решетку. — Ничего не обещаю этому негодяю.

Глуттон Медоречивый и ухом не повел.

Я опустила глаза на протянутую сухонькую ручку, краем сознания отметив, что стул опять куда-то делся, и, несмотря на возражения друзей, пожалала ее.

— Договорились, сир Медоречивый.

Один из его перстней больно впился в ладонь. Принц улыбнулся краем рта, поднес мою

руку к губам и поцеловал, после чего направился в дальний конец прохода и скрылся из виду.

— Он ушел? — нервно спросила Эмилия. — Этот принц пугает меня до дрожи.

— Кажется, ушел, — сообщила мадам, вытягивая шею и вглядываясь в темноту.

— Че еще за латырь? — спросила Уинни.

— Язык, используемый для научного обозначения растений, — фыркнула Эмилия.

Озриэль стоял и молча смотрел на меня.

— Пожалуйста, не осуждай меня, Озриэль, — взмолилась я. — Сейчас мне нужна ваша поддержка, *твоя* поддержка.

— Думаю, *мое* мнение и *моя* поддержка нужны тебе меньше всего, Ливи. Ты все решаешь сама, — только и сказал он, отошел в угол камеры, где я не могла его видеть, и просидел там до самого вечера, не откликаясь на мои призывы и не произнося ни слова.

Даже от еды отказался и ничего не ответил Магнусу, когда тот пошутил, что если голодовка продолжится, скоро с него начнет сваливаться и эта оболочка.

* * *

Во второй половине дня уровень шума снаружи заметно возрос. Сквозь окошко долетал скрип телег и карет, окрики возничих, скороговорки лоточников и газетчиков, соревнующихся за покупателей. Я сидела, бесцельно водя по полу камеры прутиком, который нашла в куче соломы.

— Начали съезжаться гости праздника, — резюмировал Магнус.

Уинни вздохнула.

— К вечеру в «Наглой куропатке» будет не протолкнуться, а гномы не скупятся на чаевые...

— Только об этом и можешь думать, — упрекнула Эмилия.

Мы с Озриэлем не включились в общую беседу.

— Магическую клятву не обхитрить.

Я подняла глаза.

— Что, мадам?

Гномка сочувственно смотрела на меня.

— Не скажу, что доверяю Медоречивому змею, Ливи, но я не понаслышке знакома с магическими клятвами. В детстве часто видела, как взрослые скрепляли ими крупные сделки по продаже самоцветов. Если принц дал ее, то нарушить уже не сможет. В любом случае, ты поступила очень мужественно, когда согласилась на сделку ради нашей свободы, поэтому хочу, чтобы ты знала: мы это ценим.

Мне почудилось шевеление из угла Озриэля, но за ним ничего не последовало.

Я взглядом поблагодарила мадам и продолжила рисовать прутиком узоры. В конце концов, особого выбора и не было: на одной чаше весов свобода друзей, пусть и сопряженная для меня с риском лопнуть прямо на месте (я поежилась, вспомнив, как морщился Глюттон Медоречивый, раскусывая пилюлю, и как дергался потом), а на другой — бессрочное заточение здесь без каких-либо перспектив и надежд.

Проведя очередную линию, я замерла, вдруг заметив, что отнюдь не бесцельно вожу прутиком по полу. В соединениях черточек угадывался гребень, прямой решительный нос и квадратики зрачков... Сообразив, кого нарисовала, я несколькими взмахами перечеркнула

изображение и воровато огляделась, но все были заняты своими делами, и никто не обращал на меня внимания. Да и рисунком это с трудом можно назвать, так, пара линий.

Когда стемнело, снаружи загрохотало, и клочок неба в окошке под потолком начал вспыхивать синим, золотистым, алым и изумрудным — с территории дворца запускали пробные фейерверки перед завтрашним праздником. Наблюдая за распускающимися в небе цветами, я поймала себя на том, что хочу еще раз увидеть замок на скале, вдохнуть запах моря и увидеть, как дрожит небо, когда тревожат воздушную завесу. Я закрыла глаза и представила его обитателей: вот смешной и добрый Хоррибл сидит с огромными вязальными спицами и старательно считает петли на новом свитере для Варгара, Данжероза кокетливо примеряет украшения на картине с пещерой сокровищ, раздумывая, какое из них понравится Атросу, Рэймус кормит ящера и треплет его за ушами с кисточками, пока тот пьет воду из своей чашки размером с тазик... Придумать занятие дракону не получилось. Интересно, что он сейчас делает? Может, оттуда виден фейерверк, и он стоит на одной из башен (той, которую не спалил) и тоже любит ее? Я зевнула. Нет, какая глупость! Замок за сотни миль отсюда, а если дракон чем и занят, так это изобретением новых способов заставить меня слушаться.

И один козырь у него имеется — рубин фортуны. Эта мысль придала мне сил. Отец тоже нуждается в моей помощи. Если не ради себя, то ради него я обязана выбраться отсюда и вернуться к Кроверусу за средством против Бессердечности.

Когда грохотать перестало, снова воцарилась ночь и относительная тишина.

— Ну, наконец-то, — проворчал Магнус. — Неужели мы все-таки поспим сегодня! — И тут же захрапел.

— Ливи...

— Да, Озриэль? — также шепотом ответила я.

— Прости за то, что наговорил сегодня днем.

— И ты прости. Для меня очень важно твое мнение, просто есть вещи, которые должен сделать, даже если весь остальной мир против, потому что иначе перестанешь быть собой... понимаешь?

— Я понимаю, что мне не угнаться за тобой, Ливи, и это меня пугает, — вздохнул он. — Но еще я понимаю, что никогда не смогу тебя отпустить, и больше не отпущу. Ты мой мир, Ливи.

— А ты мой мир. Озриэль...

— Мм?

Я помедлила, думая рассказать ему о неудаче с щипцами, но решила отложить это на потом. Сперва лучше разобраться с более срочными проблемами.

— Так, ничего. Спокойной ночи...

— И тебе спокойной. Ты ведь никуда не денешься? — пробормотал он в полудреме. — Только никуда не уходи, Ливи, пожалуйста...

— Я никуда не уйду, Озриэль, я здесь, с тобой, — прошептала я и услышала в ответ ровное дыхание.

* * *

В парадную дверь колотили так настойчиво, будто не знали, что ломятся в замок

дракона.

— Иду! — недовольно крикнул Хоррибл, шаркая шлепанцами и широко зевая.

Принесла же кого-то нелегкая посреди ночи.

Он растворил дверь и смерил взглядом посыльного, с которого ручьями текла вода. На улице свирепствовал ливень.

— Вот, — выпалил эльф, не дав Хорриблу и рта раскрыть. — Велели лично в руки. Дело срочное.

Хоррибл взглянул на печать на конверте и мгновенно проснулся. Даже ночной колпак стянул и почтительно переместил под мышку.

Кинув посланнику золотой, он поспешил к покоям молодого хозяина и, собравшись с духом, постучал.

— Завтра, Хоррибл! — раздалось из-за двери.

— Это от вашего отца.

Внутри зашевелились, послышался грохот опрокинутого стула, сдавленное ругательство, и на пороге появился растрепанный заспанный Якул. Он посмотрел на конверт, нахмурился и махнул.

— Заходи.

Девять с половиной минут спустя Рэймус растворил двери ангара, и полусонный ящер взмыл вместе с седоком в ночное небо, сотрясаемое громом и освещаемое вспышками молний.

ЗЛОДЕЙСКИЙ ПЛАН ИДЕТ КАК ПО НАКАТАННОЙ

Я думала, что заберут только меня, но явившийся на следующее утро голем с глазами-сапфирами и одетый как стражник, отомкнул обе темницы и велел следовать за ним. К счастью, он не заметил отсутствия у Магнуса «цапельки», от которой Арахна помогла окончательно избавиться.

— Это хороший знак, — подмигнула мадам, переступая порог камеры, — наверное, нас отпустят прямо на месте, как принц и обещал. А там уже пусть сами разбираются.

— Боюсь даже представить эти разборки, — мрачно прокомментировал Магнус.

В своих опасениях он был не одинок: я еще ни разу не присутствовала при государственных переворотах, но в сознании промелькнули картины людей, разбегающихся с искаженными от ужаса лицами, падающих, наступающих на пальцы упавшим, а в стороне заходится плачем чей-то потерявшийся ребенок... В общем, хаос и беспорядок в чистом виде. Да и Марсия я не могла представить добровольно складывающим полномочия. В столице полно гостей, и если начнется паника и неразбериха, многие пострадают. Однако первый советник наверняка это предусмотрела и придумала, как обезопасить жителей.

Нас отвели в умывальню, а после служанка с самым недовольным на свете лицом выдала взамен грязной одежды унылые одинаковые балахоны со знаком бесконечности на груди. Магнусу протянула что-то вроде миниатюрной попоны.

— Я не надену эту арестантскую робу! — вспыхнул паук.

— Чтобы прикрыть это, — хмыкнула она и ткнула в сердечко на спинке.

— Магнус, пожалуйста, потерпи, скоро все закончится.

Паук бросил сердитый взгляд на служанку и брезгливо подцепил накидку.

— Только ради тебя, Оливия.

— Вы уже готовы! Чудно-чудно. — В зал вошел Глюттон Медоречивый, постукивая тросточкой, и кивком отпустил служанку. — Ступай, Сюзетта.

Та сделала книксен и, одарив покровителя факультета магической дипломатии полным обожания взглядом, послушно исчезла за дверью. И почему у гнусных негодяев так здорово получается охмурять дев?

— Ну-с, отличный день для переворота, не правда ли?

Шутку встретили мрачным молчанием, но принца это ничуть не смутило. Он прямо-таки лучился предвкушением.

[Купить полную версию книги](#)